

Гр. Фриз

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРИБАЛТИКЕ

Упадок идеи секуляризации обусловил переоценку в европейской историографии роли религии в Европе XIX в., однако на сегодняшний день в историографии истории Российской империи такая переоценка теоретически и эмпирически выражена недостаточно. Вероисповедание, без сомнения, было чрезвычайно важным фактором в таком многоконфессиональном государстве, как Российская империя. И нигде в ее пределах конфессиональный вопрос не был более всеохватным, более острым, чем в Прибалтике — некогда оплоте независимого немецкого лютеранства, а с 1830-х годов — мишени для самого Российского государства и Православной церкви. Данное исследование дает основание предполагать, что религия была основной проблемой в этой неассимилированной пограничной области, все более тяготеющей к интеграции в рамках централизованного государства, и что Российское государство предоставляло значительную, но не постоянную помощь Русской православной церкви; данная религиозная политика служила не интеграции, а отчуждению как лютеран, так и православных; наконец, прибалтийский конфессиональный конфликт, проникая в новый транснациональный век глобализации, глубоко затрагивал международный статус России и ее внешнюю политику. Библиогр. 124 назв.

Ключевые слова: десекуляризация, история России, Русская православная церковь, лютеране, Прибалтика.

Для цитирования: Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 777–806. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>

Gr. Freeze

RELIGIOUS POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE BALTICS

The delimitation (if not demise) of the secularization thesis has caused European historiography to reassess the role of religion in nineteenth-century Europe. However, this recalibration has thus far made little theoretical or empirical progress in the historiography of the Russian Empire. Confession was no doubt a particularly powerful factor in a multi-confessional state such as the Russian Empire. And within that empire nowhere was the confessional issue more complex, more conflicted than the Baltic provinces — once a bastion of autonomous German Lutheranism but, from the 1830s, the target of a growing challenge from the Russian state and the Orthodox Church. This study suggests that religion was a major issue in this unassimilated borderland (increasingly subject to integration into a centralized state); that the Russian state attached significant (but qualified and variable) support for the Russian Orthodox Church; that this religious policy served not to integrate but to alienate (both the Lutherans and the Orthodox); and that the Baltic confessional conflict, as it transpired in a new transnational age of globalization, profoundly impacted Russia's international status and foreign policy. Refs 124.

Keywords: desecularizing, Russian history, Russian Orthodox Church, Lutherans, Baltics.

For citation: Freeze Gr. Religious policy of the Russian Empire in the Baltics. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 4, pp. 777–806. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.407>

Фриз Грегори — PhD, профессор истории, Брандейский университет, США, Уалтам, Массачусетс, GF11; приглашенный исследователь, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7; freeze@brandeis.edu

Freeze Gregory — PhD, Professor in History, Brandeis University, USA; Visiting Research Fellow, St. Petersburg Institute of History, The Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya, St. Petersburg, 197110, Russian Federation; freeze@brandeis.edu

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119)

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Вопреки традиционной характеристике XIX в. как «столетия секуляризации», наступившая эпоха была временем, когда религия по-прежнему преобладала над массовой культурой и заметно формировала государственную политику. Предшествовавшие ей десятилетия конфессиональной борьбы и конкуренции способствовали политизации религии, выработке особой государственной политики по отношению к ней, идентификации «чужого» (следовательно, не только антисемитизму, но и антикатолицизму, антипротестантизму и антиклерикализму) и обогащению национальной идентичности критическим «божественным» измерением. Ряд историков обоснованно тяготеет к тому, чтобы назвать эту эпоху «веком второй конфессионализации», важным следствием «первой конфессионализации» эпохи Реформации [Blaschke 2006; Blaschke 2000]¹, поскольку «вторая конфессионализация» вырастала из политизации религии и религиозной политики, поднимала вопросы многоконфессиональности и свободы совести, способствовала существенному увеличению значения (в качестве посредника и индикатора) церковных институтов, будь то вопросы их воцерковления или расцерковления. Действительно, некоторые исследователи отдавали должное «второй конфессионализации» как намного более фундаментальной и широко распространенной, чем первая: сложившись в эпоху глобализации (с беспрецедентным уровнем ресурсного, культурного и политического трансфера), «вторая конфессионализация» включала в себя важные изменения в вопросе взаимодействия государств и привела к появлению политики и принципов, положивших начало международному дискурсу и повлиявших на международные отношения. Одним словом, в то время как некоторые силы секуляризации сохранились [Pollack 2011; Pollack 2015], происходили изменения, обусловленные мощной повсеместной межнациональной конфессионализацией.

Конфессионализация была важной движущей силой также и в Российской империи [Dolbilov 2010; Staliunas 2007; Werth 2014], однако пошла своим уникальным путем. В отличие от Западной и Центральной Европы, где постреформационные страны были преимущественно дуоконфессиональными, Российская империя была многоконфессиональной, что подразумевало бесконечно более сложную и взрывоопасную совокупность этноконфессиональных групп населения. Действительно, конфессии, тесно связанные с этнической принадлежностью, стали гораздо более значительными в последние десятилетия, отчасти из-за зарубежных диаспор и межнациональных моделей, отчасти из-за российской государственной политики (стремившейся «решить» проблему, но лишь обострившей ее). К началу XX в. империя становилась, используя этноконфессиональную терминологию, «децентрализованной»: этнический центр Великой России сократился до менее чем половины населения, последователи образовавшейся конфессии Русского православия сократились до двух третей [Kabuzan 2008]². Вопреки традиционным мифам о «секуляризации» в империи конфессиональная принадлежность была чрезвычайно важна, и не только потому, что неверующие были в меньшинстве, но также и по-

¹ Хотя «второй век конфессионализации» имел границы и критиковался [Steinhoff 2004; Schulze Wessel 2001], тем не менее он был отмечен важным вкладом в «религиозный переворот», который позволял бы подчеркивать, если не абсолютизировать, роль конфессионализации в XIX в.

² Реальное число составляло менее 69 %, указанных в переписи населения за 1897 г., если учитывать заинтересованность неправославных групп в занижении сведений, особенно до принятия закона о свободе совести (17 апреля 1905 г.).

тому, что каждая конфессия контролировала важные институты, в частности брака и развода [Freeze 1990]. В связи с этим религия играла решающую роль в идентификации. В отчете одного из балтийских жандармов, представленном в III Отделение в июне 1848 г., подчеркивалось: «...Религия есть крепчайшая связь народа, никогда крестьянин не назовет соотечественником человека, не идущего в одну с ним церковь» [Gavrilin 1999, p. 125]. Принимая во внимание грандиозную территориальную экспансию империи, искусственность ее социальной структуры и недостаток людских и материальных ресурсов, государству не оставалось ничего иного, кроме как объединить конфессии, тем более что у него не было достаточного потенциала, чтобы принять на себя их роль и обязанности. Результатом явилось длительные напряженные усилия в стремлении достичь этой цели на фоне реальной конфессиональной ситуации: государство стремилось расширить влияние и контроль, однако встретило яростное сопротивление отдельных конфессий, в итоге постепенно, особенно с середины XIX в., уже начинало примиряться с реальностью того, что ассимиляция иллюзорна и противоречива и что в государственных интересах следует приспособиться к этой реальности.

Данный процесс был особенно интенсивным и неоднозначным в трех прибалтийских регионах — Курляндии, Лифляндии и Эстляндии, находившихся под властью этнической немецкой знати и лютеранской церкви еще до их присоединения в XVIII в. Петр Великий и его первые преемники признавали традиционные привилегии и права прибалтийской немецкой знати и лютеран, стремясь таким образом укрепить власть и предотвратить сопротивление. Поэтому независимые лютеранские церкви в каждой провинции (*Landeskirchen*) были автономны и пользовались привилегиями: все они имели немецкий пасторат, защищавший верующих, в подавляющем большинстве состоявших из исконных латышей и эстонцев. Таким образом, конфессиональный спор в Прибалтике изначально инициировался изнутри (неортодоксальными ветвями протестантизма), а не извне (католиками или православными). Данная ситуация начала меняться в 1830-х годах, вначале — с принятием «Лютеранского устава» в 1832 г., а затем в связи с все нараставшим вмешательством во внутреннюю жизнь прибалтийских территорий Российского государства и Русской православной церкви. Поворотным моментом стало массовое обращение местного населения в православие в 1840-х годах, создавшее небольшое, но значимое православное меньшинство, претендовавшее на защиту и всяческую поддержку церкви. Это послужило толчком к конфессиональному конфликту, длившемуся десятилетия, внесшему значительное напряжение в более обостренную борьбу между немецким «партикуляризмом», выражавшимся в наличии особых прав и институтов, и центральной российской властью. В значительной степени «прибалтийский немецкий вопрос», этнический и конфессиональный, также явился важным объектом критики со стороны общественного дискурса, не только внутригосударственного, но межнационального. Щекотливость вопроса не исчезла и с концом империи в 1917 г. Обширная историография часто отражает этнические и конфессиональные интересы, даже в современных трудах [Brüggermann 2004, pp. 220–223; Brüggermann, Woodworth 2012]. В данном исследовании преимущественное внимание уделено конфронтации в прибалтийских странах, пересмотру движущих сил и тактик противников с учетом более многообразных обстоятельств и следствий государственной церковной политики. Автор полагает, что

религия была главным вопросом на этой неассимилированной пограничной территории и что государство предоставляло значительную, однако ограниченную поддержку православным интересам, религиозная политика была призвана не объединить, но отдалить и лютеран, и православных и что весь конфликт в межнациональный век глобализации значительно повлиял на российский международный статус и зарубежную политику.

От гегемонии к принятию православного вероисповедания

Когда государство в эпоху Петра I впервые овладело Прибалтикой, оно формально признало ее статус-кво, учитывая гегемонию немецкой знати и Лютеранской церкви (формально — Лютерано-протестантской церкви). Для Лютеранской церкви оставался действующим Шведский церковный статут 1686 г., и в связи с этим сохранялись prerogatives и порядки автономных лютеранских церквей трех прибалтийских провинций. Эти церкви имели фактическую монополию: помимо мизерного числа принадлежавших к иным конфессиям (преимущественно отступников — набожных гернгутеров), все население — немецкое, латвийское, эстонское — принадлежало лютеранским церквям.

Паства была многонациональной в отличие от клира: пастырство состояло из этнических немцев, половина которых эмигрировала из немецких земель, остальные приехали для получения обязательного теологического образования [Hoffmann 1939, p. 9]. Отражая религиозную направленность немецкого Просвещения, постулировавшего единство разума и религии, лютеранский клир относил себя к «рационалистам» и подчеркивал верховенство разума над догматом и ритуалом в Псалтыри, богослужениях и обучении [Schrenck 1933, p. 24–33]. Хотя Дерптский университет, восстановленный прибалтийским рыцарством в качестве Немецкого университета в 1802 г., предоставлял университетам различных немецких губерний альтернативу, изначально он действительно являлся оплотом Просвещения. Этот просвещенный либерализм способствовал не только рациональному восприятию общественных проблем, но и преобразованиям: некоторые пасторы активно поддерживали отмену рабства и другие современные формы социальных отношений [Garve 1978, p. 19]³. Так, Карл Готлиб Зонтаг, влиятельный и просвещенный пастор, осуждал своих менее социально активных коллег, жалуясь, что «интересы священников слишком узки и слишком тесно связаны с интересами знати» [Zelče 1998, p. 420]. Лютеранские пасторы содействовали массовому образованию, надзирали за государственными школами (Volksschulen), навещали детей, получавших домашнее образование, а также создали первый центр для обучения латвийских учителей [Thimme 1938, p. 39–48; Naber 1996]. Принимая во внимание размер среднего прихода (втрое больше, чем православный приход), пастор, с его многообразными основными и дополнительными обязанностями, имел огромную нагрузку и вместе с тем короткий срок для спасения душ отдельных прихожан [Garve 1978, p. 23–26].

Немецкий пасторат обнаруживал также стойкий интерес к культуре и языку своей эстонской или латвийской паствы. Реформация, придавая особое значение

³ Беспокойство о социальном обеспечении паствы не завершилось с приходом просвещенного либерального «рационализма»: следующее поколение пасторов продолжало играть главную роль в создании сиротских приютов, прибежищ для инвалидов, богаделен [Wittram 1995, p. 239–241].

Библии и, следовательно, образованности, повлияла на самые ранние переводы и публикацию Библии на разговорном языке, что привело к первым публикациям катехизиса и со временем к появлению латвийской Библии в 1685–1689 гг. и эстонской Библии в 1739 г. [Jürjo 1995, p. 411–412; Kaskla 1993, p. 228; Kyra 1996]. Для сравнения, в России полный перевод Библии на русский язык впервые появился в 1876 г. (четыре года спустя после перевода на русский «Капитала» Карла Маркса). Первый импульс религиозной Реформации получил развитие в эпоху Просвещения и зарождавшегося века романтизма — главным образом благодаря работе И. Гердера, выпустившего в 1787 г. сборник фольклорной музыки, включая восемь эстонских песен. Ряд немецких пасторов, таких как Р. И. Винклер, Э. Абренс, Ф. Ф. Майер, А. Ф. Кнүпффер, стали первыми учеными в области латвийского и эстонского языков, издававшими грамматики, словари и периодику [Paucker 1849, p. 65, 118–119, 152, 186–189]. Что особенно важно, немецкие пасторы сыграли главную роль в создании культурных и литературных организаций, таких как Рижское литературно-практическое общество (Rigaer Literärisch-praktische Bürgerverbindung), появившееся в 1802 г., или Курляндское общество литературы и искусства (Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst), основанное в 1815 г. [Zelče 1998, p. 423–424; Wittram H. 1995, p. 239–240; Klot-Heydenfeldt, 2000, p. 91–124]. Аграрные реформы 1816–1819 гг. не привели к освобождению, но действительно усилили попытки немецкого пастората поднять уровень культуры и морали латвийцев и эстонцев, от чего теперь в гораздо большей степени зависели их поддержка и выживание⁴. В то время как пасторы в целом поддерживали местную культуру, они все же крайне мало контактировали с немецкой знатью и были далеки от нее — в религии, образовании, образе жизни и экономических интересах. Часто выявлявшиеся противоречия с жизнью паствы даже закрепились в языке — в уничижительном прозвище «церковный господин» (“Kirchenherr”), как называли пасторов латвийские и эстонские крестьяне [Sbornik... 1880, vol. 3, p. 484–487; Wittram R. 1949, p. 152]. Но в целом до кризиса 1840-х годов пастор оказывал значительное влияние на местную политику и пользовался уважением прихожан.

Однако лютеранство едва ли было единым целым. Одним из источников напряженности была борьба внутри пастората, противопоставившая старое поколение просвещенных рационалистов новой когорте консервативных неолютеран⁵.

⁴ Учитывая покровительственное отношение немецкой знати к бедноте (именовавшейся “Undeutschen” [немемцы] and “Nationalen” [националы]), неудивительно, что по крайней мере некоторые пасторы были настроены менее сочувственно к развитию самобытных латвийской и эстонской культур. Также не все пасторы с трепетом воспринимали самобытный язык и культуру. Например, в 1819 г. один пастор недвусмысленно призвал своих коллег признать онемечивание, иначе говоря, распространять немецкую — не латвийскую или эстонскую — культуру среди паствы [Zelče 1998, p. 424; Garve 1978, p. 28–33; Vigrab 1916, p. 84; Walter 1891, p. 86–87].

⁵ Смена поколений была обусловлена и внутренними причинами, например новыми теологическими течениями, поставившими под сомнение господство просвещенного рационализма. Борьба происходила в пределах теологического факультета Дерптского университета (оплота рационализма), на страницах сборников песнопений (ранее превозносивших разум и оттеснявших на задний план фигуру Христа) и Агенды (возвысившей проповедь над ритуалом и молитвой). Разъяснения относительно веры первоначально господствовали в только что основанном Дерптском университете, но устранение рационалистов после 1817 г. дало возможность набрать новый профессорский состав, чтобы обучить следующее поколение пасторов [Garve 1978, p. 34–36; Wittram R. 1952; Seesemann 1956]. Некоторые из них были набожными людьми, поощрявшими в отличие от «умеренных христиан» индивидуальные духовные поиски в сочетании с изучением Библии и клад-

Борьба касалась богослужений, проповедей, текстов церковных гимнов; в это время энергичные и подчас враждебно настроенные противники стремились изменить существующие религиозные обычаи, не подвергая сомнению значение церкви. Более угрожающим было возрождение гернгутеров. Они появились в 1730-х годах, заявляя о вере и благочестии как аскезе и живя по своим законам. Их движение, получившее большой размах, воспринятое крестьянским населением, было подавлено в 1743 г. и резко сократилось до менее чем 15 тыс. приверженцев. Оно восстановилось после того, как Александр I (сам испытывавший влияние пиетистов) провозгласил в 1817 г. веротерпимость, ознаменовав таким образом начало гернгутерского «золотого века», когда количество приверженцев этой «секты» могло достигать 100 тыс. человек [Schrenck 1933, p. 56–61; Talonen 2001, p. 100; Норе 1998; Philipp 1974, p. 217–219; Garve 1978, p. 44–60]. Гернгутерские братства, отдавая латвийцам и эстонцам ведущую роль в управлении, имели определенную популярность среди них, кроме того, ими предлагалась заманчивая альтернатива чопорной, чрезмерно официальной лютеранской церкви. Несмотря на то что пасторы, как правило, были толерантны [Nerling 1956], неолютеране воспринимали гернгутеров как угрозу лютеранской «церковности» (Kirchlichkeit) и проводили активную кампанию против них [Schrenck 1933, p. 72–75, 82–83; Thimme 1938, p. 87–91; Garve 1978, p. 56–59].

Основной вызов прибалтийским лютеранским церквям был брошен, тем не менее, Российским государством и Православной церковью. Государство считало особый, привилегированный статус прибалтийских немцев крайне неоднозначным (если не эфемерным) и постепенно предпринимало меры по расширению контроля из центра, чтобы включить прибалтов в единую государственную систему. И данная интеграция распространялась также на лютеранскую церковь. После того как первые попытки Александра I натолкнулись на сопротивление [Amburger 1961, p. 65–66], Николай I в 1828 г. поручил подготовить новый административный указ, основанный на прусской модели, назначив советником епископа Георга Померанского [Staël 1901; Stupperich 1959, p. 53–65; Kroeger 1956, p. 179–180; Schrenck 1933, p. 39–59; Kahle 2002, p. 123–132; Dalton 1887, p. 218–340]. Несмотря на прусскую модель, задача была русской: создать единую духовную организацию для всех исповедующих «иностранные веры». Спустя четыре года результатом явился церковный устав (Kirchengesetz) 1832 г. — регламент, в соответствии с которым в Санкт-Петербурге была создана Генерал-Консистория, а также была ослаблена автономия местных церквей (Landeskirchen). Немаловажно, что закон стремился не русифицировать, а уравнивать, он не привносил православные нормы даже в об-

щищенскими религиозными праздниками [Garve 1978, p. 39; Schrenck 1933, p. 75–79]. Второй и, в конечном счете, основной струей было неолютеранство («правoverные»), стремившееся восстановить «исконное лютеранство» — предразъяснительную теологию, литургическую практику, пасторскую службу [Wittram R. 1952, p. 206; Talonen 2014]. Однако переход был медленным и сложным, пасторат расходился во мнениях относительно реформ Псалтыри и литургии, зачастую в нескольких поколениях. На Лифляндском Синоде в 1834 г. меньшая часть пастората (16) выступила за замену Gesangbuch (сборника церковных гимнов), однако подавляющее большинство (50) категорически воспротивилось полному пересмотру текстов, другие же (12) полностью отрицали любые изменения (Zur Semisecularfeier... 1884; Schrenck 1933, p. 119–123). Пересмотр порядка церковной службы (и самой Агенды) начался в 1849 г., вызвав не менее противоречивые споры [Christiani...1861; H. Wittram 1998, p. 175–176]. Однако к середине столетия победило течение неолютеранства, придававшее особое значение Библии, исповедальным текстам, церковным таинствам и церковной службе [Garve 1978, p. 68–81].

ласть светских вопросов брака и развода. В связи с тем что православный закон накладывал жесткие ограничения на развод, в Лютеранский статут 1832 г. вошли либеральные прусские основы процесса развода, включая “harte und lebensgefährliche Behandlung”, как и “andere empfindliche Kränkungen” [Woltman 1847, p. 232; Freymann 1901, p. 24–25; Freeze 1990]. К статуту прилагалась также Агенда, детальное руководство по обязанностям пасторов в осуществлении порядка проведения церковной службы [Agende 1897; Christiani 1861; Wittram 1998, p. 175–176; Über die gegenwärtigen öffentlichen Zustand... 1840]. Прибалтийские немцы, особенно пасторат, рьяно сопротивлялись подобному нарушению их автономии и привилегированного положения, но безуспешно [Kroeger 1956, p. 138]. Хотя немецкий пасторат и видел некоторые положительные аспекты церковного статута (в частности, это могла быть поддержка ежегодных Синодов, что давало пасторату возможность транслировать беспокоящие всех проблемы), он все же воспринял устав как посягательство на привилегированный статус прибалтийских лютеран [Garve 1978, p. 12–13]. Оппозиционное движение усилилось в 1857 г. с выходом в свет нового издания «Свода законов», где статус Landeskirchen был урезан до «зарубежной конфессии», подчиненной исключительно центральной власти и лояльной по отношению к ней [Woltmann 1847, p. 221; Thimme 1938, p. 92; Kroeger 1956, p. 177–178; Tuchtenhagen 1995, p. 15–186].

Более значительным стал вызов со стороны Русской православной церкви. До 1830-х годов Православная церковь была представлена в Прибалтике чуть более чем номинально (с малым числом церквей и прихожан), но к этому времени все изменилось. Ключевым моментом стало назначение в 1836 г. викарного епископа Риги, в результате чего сформировалось полуавтономное ответвление Псковской епархии. Несмотря на то что новое образование на первый взгляд должно было сосредоточиться на чаяниях «старых» верующих, нашедших убежище в Прибалтике, немецкие круги были настроены крайне недоверчиво, особенно когда церковь начала публиковать религиозные тексты на латвийском и эстонском языках (см., напр.: РГИА, ф. 797, оп. 11, д. 29039/а, л. 14). Сомнения усиливались вместе с государственными мерами по русификации административного аппарата и даже культуры в Прибалтике, и самым известным примером стал секретный правительственный меморандум, опубликованный в «Augsburger Allgemeine» в феврале 1839 г. [Pistohlkors 2005, p. 16–17; Buchholtz 1883, p. 23].

Это сомнение перешло в уверенность во время волны обращения крестьянского населения в православие в 1840-х годах [Kruus 1930; Stupperich 1939; Ryan 2008, 2007; Gavrilin 1999; Aleksii 1999; Freeze 2004, p. 309–314]. Первая волна обращений началась в 1841 г., однако прибалтийская немецкая администрация считала ее выражением крестьянского недовольства и потребовала безжалостной расправы. Министр внутренних дел счел подобные требования неправомерными и наставлял местные власти расследовать материальное положение крестьян. В крестьянских волнениях, которые наблюдались не только в Прибалтике, особенно после Указа Николая I «Об обязанных крестьянах» 1842 г., вселившего в крестьян надежду получить землю, прибалтийские немцы обвиняли клир Русской православной церкви, поскольку последний уже пообещал землю и расселение, и подобный обман привел к массовым обращениям в православие и массовому неповиновению. Это обвинение было расценено как проявление своекорыстия: перекла-

дивание вины на православный клир и крестьянскую склонность к самообману и легковерию, отрицание того факта, что крестьяне испытывали лишения и имели законные жалобы на землевладельцев. Поэтому немецкие призывы были вполне однозначными: причиной беспорядков стало не крестьянское бедственное положение, а действия православной церкви — “Proselytenmacherei durch Bestechung und Überlistung” [Woltmann 1847, p. 230]. Следующий отчет местных властей был типичным: «Весь народ утверждал, что принять греко-российской веры никогда не желал, объявляя между тем, что приходили крестьяне в Ригу к православному духовенству с прошениями о переселении их в теплый край, на что будто бы духовенство, а некоторым даже и сам епископ, объясняли различным образом будущее улучшение их быта» [Auling, ed. 1982, p. 37]. Так как викарный епископ Иринарх (Попов) передал крестьянские жалобы в Санкт-Петербург, местный генерал-губернатор разместил караул вокруг своей резиденции и строго запретил Иринарху принимать крестьян — даже если они желают обратиться в иную веру, не предъявляя никаких социальных и экономических жалоб. Епископ Иринарх категорически отрицал свои распоряжения, защищая свои действия перед обер-прокурором: «В ответ на сие требование я дал знать Г. Рижскому военному и Генерал-Губернатору, что в доме моем никто никаких записей крестьянам на переселение не делает, что отказаться от принятия крестьян без особенного на то разрешения моего начальства, я не могу, ибо это значило бы отказаться от одной из главных обязанностей, возлагаемых на меня моим саном и местом» (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 191, л. 8–12 об.). По мнению Иринарха, «движения сначала имели характер гражданский, но потом мало-помалу приняли характер религиозный». В результате даже если вероисповедание и не спровоцировало смуту, то перевело ее на принципиально новый уровень.

Сам же епископ Иринарх стал главной мишенью обвинений в том, что он непосредственно способствовал недовольству крестьянства⁶. Отвечая на правительственные отчеты, обер-прокурор сообщал Синоду, что гражданские власти усмирили беспорядки (спровоцированные слухами о возможном перемещении в другие районы страны), однако Иринарх вновь обострил положение дел: «Но вскоре вновь возникло и усилилось от внушаемой им надежды, что можно достигнуть переселения переходом в православную веру, и от того, что Рижский преосвященный допустил их в дом свой и принимал от них прошения в сем смысле» (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 191, л. 1–2). Учитывая серьезность данных утверждений, власти в Санкт-Петербурге начали широкомасштабное расследование по делу Иринарха и исключили его из епископата. В письменном допросе Иринарх категорически отвергал обвинения: «Никогда никому из крестьян я не говорил, что сему будет отдана помещичья земля, если он переменит веры, и надобно быть в высшей степени невеждою или недобросовестным, чтобы говорить таким языком». Иринарх отрицал, что крестьянское движение имело характер бунта, и подчеркивал, что жестокие репрессии местных властей начались лишь когда крестьяне выразили желание обратиться в православие: «Гражданское начальство начало поступать с крестьянами

⁶ Расследование дела Иринарха находится в «секретном отделе» Синодального архива (Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 205, д. 191, л. 1–435). Его переезд явился центральным вопросом последующей документации и споров о событиях 1841 г. [Dvizhenie 1865; Buchholtz 1883, p. 43–53].

как с нарушителями порядка тогда только, когда узнало, что они подают прошения о присоединении их к православию. Это производило во мне сильное подозрение и заставило думать, что лютеранское начальство преследует крестьян за то, что они хотят оставить лютеранство и принять православие» (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 191, л. 190–199). Тем не менее Синод под давлением правительства, особенно А. Х. Бенкендорфа, прибалтийского немца и главы III Отделения, лишил Иринарха викарного архиерейства, постановив, что он «поступал неправильно и неосторожно». Но Синод отклонил заявление генерал-губернатора М. И. Палена о том, что Иринарх сыграл роль в разжигании крестьянских беспорядков (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 191, л. 234–235), а впоследствии, в 1845 г., епископ получил новые назначения и даже чин архиепископа.

Хотя Иринарх пострадал, данные события убедили власти, что крестьяне действительно имели законные жалобы на помещиков и что «эмансипация» 1816–1819 гг. (отмена крепостного права в Прибалтике) привела к нужде латвийских и эстонских крестьян. Лишь генерал-губернатор М. И. Пален стремился обвинить православное духовенство и преуменьшить экономические жалобы, при этом даже представители немецкой власти в регионе признавали, что крестьяне имели веские причины для жалоб: «Вот причины, довершившие расстройство лифляндского земледельца; он ни к чему не привязан, землю и дом господин у него отнимает когда хочет, работа тягостная; ничто не упрочивается в пользу крестьянина и нет никакой будущности для детей его, он на все готов решиться, дабы переменить его нестерпимый быт» [Auling, ed. 1982, p. 36]. Отчеты российских военнопленных, направляемых для подавления беспорядков, подтверждали массовое недовольство, несмотря на угрозу безжалостных наказаний: «На лицах крестьян невозможно было не заметить неудовольствие и на многих из них даже досаду при требовании от них повиновения помещикам» [Auling, ed. 1982, p. 35–39]. Министр внутренних дел Л. А. Перовский резко раскритиковал попытку Палена нивелировать экономические причины крестьянского недовольства: «Я имею частные сведения, что чувство стесненного положения лифляндских крестьян и неудовольствия их против помещиков едва ли не всеобщие. Они глубоко укоренены в умах поселян, так что необходимость требует действовать положительно, не относя всех сих беспорядков к посторонним причинам. Судя по настоящему расположению умов, можно не без основания опасаться, что с открытием весны многие крестьянские общества явно будут уклоняться от своих обязанностей, а легко быть может, что некоторые из них откажутся от полевых работ». Министр внутренних дел и в дальнейшем инструктировал Палена «обратить особенное внимание на бедность крестьян» [Dvizhenie latyshei... 1865, p. 127]. Таким образом, прибалтийские элиты могли бы одержать победу в столкновении с церковными иерархами, но в таком случае они подорвали бы доверие к себе у вышестоящих чиновников столицы.

События 1841 г. также показали, что крестьянское недовольство своими лютеранскими пасторами к тому времени значительно усилилось. Даже немецкие власти, подчеркивавшие нерелигиозные мотивы обращений, допускали, что верующие низшего сословия стали почитать пасторат гораздо меньше: «К тому следует еще сделать весьма важное замечание насчет приходских пасторов, поучения коих, по-видимому, уже не имеют на народ той силы, коею они в прежние времена поль-

зовались. При свидании с многими из лучших пасторов неоднократно мы могли убедиться в совершенном по сему предмету их отчаянии» [Auling, ed. 1982, p. 36]. Православные источники подчеркивали то же. Так, Иринарх заявлял, что массовые обращения были непосредственно связаны с неудачей лютеранских пасторов, которые были более преданы своим привилегиям, нежели духовным чаяниям своей паствы (РГИА, ф. 205, д. 191, л. 8–12 об.).

Негативная оценка своих пасторов поощряла крестьян обращаться к православному духовенству за помощью и защитой. Российское духовенство действительно тяготело к защите своих «духовных детей» от их имени. Несмотря на то что прибалтийская знать приписывала воззвания православных священников их «хитрости» и обещаниям наживы, такое утверждение противоречило общеизвестному факту: православное духовенство в Прибалтике, как и во всей империи, обнаруживало искреннюю симпатию по отношению к угнетенным и решительно выступало за социальную справедливость. Иринарх писал: «Сначала я принял в них [движениях крестьян] участие почти из одного сострадания к несчастному положению, в котором находятся крестьяне... в котором заключается главная причина их движений». Иринарх не подбирал слова, порицая плачевное положение крестьян, «изнуренных работами, не имеющих довольно средств к пропитанию». И если гражданские власти не запрещали духовенству ходатайствовать за холопов (даже писать петиции от их имени), то клир выказывал сочувствие угнетенным, особенно когда эксплуатация начала принимать религиозную окраску [Freeze 1989]. Современный поворот в западной теологии (в новом христианстве, подчеркивавшем «мирскую» роль церкви) уже начал влиять на российское духовенство, следовавшее европейской религиозной мысли и ранее, и сейчас [Freeze 1985, 1988]. Было бы неверно игнорировать и преуменьшать социальные обязательства духовенства, что стало особенно значимо в последние десятилетия XIX в. [Freeze 1999, 2013].

Подобное восприятие социальной справедливости отчетливо отразилось в жестоких репрессиях в отношении крестьян, имевших целью не только наказание, но и запугивание [Sbornik... 1882, vol. 4, p. 571]. Методы, использовавшиеся против крестьянства, лишь усиливали сочувствие к ним духовенства. Так, Иринарх с горечью отмечал жестокие наказания и утверждал, что такие «чрезмерно строгие меры» лишь ухудшили ситуацию и «истощили терпение крестьян, принудили их укрываться или защищаться от побоев» (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 191, л. 8, 197 об. — 198). Использование властями «профилактического террора» было очевидным, например, в действиях немецкого судьи (Landrichter): виновный крестьянин должен был быть наказан 250 ударами розг при всем народе перед строем солдат, а после отправлен на два месяца в Ригу в исправительный дом [Auling, ed. 1982, p. 93]. Жестокая судьба ждала и некоторых других крестьян, «которые в деле уличены, и как предострегатели и соучастники сего злого дела признались, через строй из 500 солдат пущены на том месте, на коем через сопротивление зло сотворили, а потом в рекруты от своей волости отданы, а ежели для службы они непригодны, то в Сибирь либо необитаемые земли отправлены должны быть» [Auling ed. 1982, p. 122]. Такие демонстративные репрессии, наряду с волной декретов и угроз, способствовали сокращению беспорядков и переходу в православное исповедание.

Массовые обращения в православие в 1845–1848 гг.

Однако очень скоро — в 1845–1848 гг. — новая волна, гораздо более мощная, захлестнула регион, вылившись в переход в православную веру 110 222 латвийцев и эстонцев (РГИА, ф. 797, оп. 18, д. 41946, л. 53–56)⁷. Они составляли около 17 % населения [Raun 1979, p. 120], соотношения значительно варьировались от одной области к другой [Aleksii 1999, p. 218–223]. Масштабы обращения в православие отражали не только влияние двух последовательных неурожаев, но также поворот в государственной политике: в это время Петербург предпочел относительно «мягкую» линию, дававшую желтый, если не зеленый свет переходу в православие. Секретные инструкции, данные Е. А. Головину в апреле 1845 г., заступившему на пост генерал-губернатора Прибалтики, полно отразили новый, более сбалансированный подход: «Принять меры, дабы, с одной стороны, не было допускаемо подстрекательство к переходу лютеран в православие, а с другой — устранено всякое противодействие сему, равно как притеснение перешедших» [Sbornik... 1882, vol. 4, p. 465]. Без сомнения, правительство по-прежнему препятствовало прозелитизму: отменило обещания материальных выгод новообращенным⁸ и ужесточило порядок перемещений священников, чтобы пресечь любые проявления прозелитизма. Это нашло отражение в инструкциях от имени цесаревича Александра Николаевича в декабре 1845 г. (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36456, л. 1–48). Следовательно, правительство не запрещало и не препятствовало обращениям, но лишь настаивало на том, чтобы священнослужители предостерегали претендентов: «дело веры не должно быть смешиваемо с другими делами... и принимающие Православие не вправе требовать от духовного начальства ходатайства за них о каких-либо гражданских преимуществах. Посему крестьянам, латышам и эстам внушать, что принятие Православия не может переменить их отношения к помещикам, но только к одним пасторам, освобождая их от приходских к ним обязанностей» (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36472, л. 3–3 об.). Те же инструкции наставляли священников, что они должны проверять претендентов и прежде всего обязаны «испытывать желающих Православия в чистоте и искренности их намерения, утверждать их в правилах веры» (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36472, л. 4). Инструкции также подчеркивали необходимость создания школ, чтобы обращенные не были лишены образовательных возможностей, доступных лютеранам. Несмотря на то что центральные власти продолжали запрещать духовенству принимать петиции с жалобами на мирские проблемы, они отныне старались препятствовать стремлениям к переходу из лютеранства в православие, если обращаемый был мотивирован не только искренним религиозным чувством, но и надеждой на материальные выгоды [Spravka... 1865; Vsepoddanneishii otchet... 1871]⁹.

⁷ По сведениям Синода, это наиболее верная цифра, но подсчеты значительно варьировались: так, один из отчетов в архиве обер-прокурора свидетельствует о цифре в 101 202 человека на 1 января 1848 г. (РГИА, ф. 797, оп. 17, д. 40214, л. 34). Эстонское исследование 1930 г. приводит цифру в 106 080 человек [Kruus 1930, p. 344, 400]. Современные немецкие подсчеты оказались закономерно намного меньше — всего лишь 60 тыс. обращенных [Pravoslavie... 1890, p. 4].

⁸ См. инструкцию с предупреждением о том, что нельзя предлагать «материальные выгоды», в письме от 16 ноября 1845 г. министра внутренних дел Л. А. Перовского Е. А. Головину (РГИА, ф. 832, оп. 5, д. 188, л. 8) [см. также: Aleksii 1999, p. 505–506].

⁹ Чтобы заверить в истинности обращений в православие, Е. А. Головин подготовил специальную «декларацию», которую подписывал каждый желающий переменить веру, соглашаясь с тем, что обращение не влечет за собой никакой материальной выгоды. В январе 1845 г. император ввел

Несколько факторов можно расценивать как поворот в политике. Один из них — резкое сокращение балтийского влияния в Санкт-Петербурге: немецкое лобби потеряло влиятельных представителей — генерал-губернатора Палена, а также Бенкендорфа, чья смерть в 1844 г. лишила страну ключевого союзника прибалтов. Оба они передали свои посты этническим русским. Особенно важным было назначение Е. А. Головина, первого русского генерал-губернатора Прибалтики, он пришел в новый регион без каких-либо личных или этнических связей и продемонстрировал благосклонность по отношению к угнетенному крестьянству и приверженность принципам Православной церкви [Leppik 2005, p. 67–69]. Министром внутренних дел по-прежнему оставался Л. А. Перовский, свидетель событий 1841 г., покинувший пост с абсолютным недоверием к прибалтийскому немецкому бюрократическому аппарату. Вторым фактором стало крепнущее осознание того, что не только урожайные кризисы 1844–1845 гг. (породившие всеобщий голод)¹⁰ были всему виной, но именно сама «эмансипация» 1816–1819 гг., подтвердившая чрезвычайно тяжелое положение крестьянства. Вновь прибывший Головин писал министру внутренних дел: «...Главнейшая причина неудовольствий и ропота между лифляндскими крестьянами заключается в излишнем обременении их повинностями со стороны помещиков» [Traat 1991, p. 22]. Все это свидетельствовало о страхах социальной нестабильности, которая, наряду с межнациональными веяниями эпохи, значительно усилилась в Европе с 1840-х годов. В дневнике Д. Н. Толстого, государственного деятеля, назначенного в Прибалтику в середине 1840-х годов, предполагается, что сочетание перехода в православие и социального напряжения могло инициировать массовые беспорядки: «Последствия обращений могли бы быть опасными, и если не в Лифляндии, то в Эстляндии и Курляндии могло бы пролиться много крови... Без сомнений, религиозные взгляды не играли здесь никакой роли. Крестьяне ненавидели землевладельцев. Вера, что последние — иммигранты и угнетатели локальных областей, во многом развилась именно там» [Buchholtz 1883, p. 133–34]. Третьим фактором стало новое осознание того, что религиозный аспект был очень важным в контексте не только «вдохновения отчаявшихся крестьян к обращениям, но и подталкивания отчаявшихся землевладельцев к сдерживанию — не ради крестьянских душ, но ради собственной силы и собственности» [Liprandi 1868, p. 160]. Генерал-губернатор Головин в июле 1845 г. откровенно писал о тайном соглашении помещиков и пасторов в отношении их законных интересов: «Нельзя отрицать, что со стороны лютеранского духовенства, как равно местного начальства, избираемого везде из дворянского сословия и помещиков, есть движение к удержанию крестьян от перехода в православие. Очевидно при том, что два последних сословия побуждаются к тому не столько чувством религиозным, сколько опасением, что крестьяне, и без того уже большею частью не являющие к ним

шестимесячный срок ожидания между декларацией намерения и окончанием процесса обращения [Traat 1991, p. 38–39, 44]. Епископ Филарет жаловался Синоду (30 апреля 1846 г.), что эти меры лишь подвергли потенциальных новообращенных бесконечному давлению со стороны пасторов и помещиков (РГИА, ф. 796, оп. 127, г. 1846, д. 775, л. 1–3).

¹⁰ Донесение от 30 сентября 1845 г. описывало ужасную сцену безысходности: «...Уровень смертности значителен, и нехватка еды в некоторых регионах уже ощутима. Это произошло ввиду того, что крестьяне, уходящие в города [Тарту], обессилены от истощения и умирают, несмотря на помощь, предоставляемую госпиталями; медицинское расследование показывает, что причиной смерти стала нехватка еды» [Traat 1991, p. 139].

ни доверия, ни привязанности, через переход в другое вероисповедание сделаются для них еще более чуждыми. То же отчасти можно сказать и о пасторах, которые также могут побуждаться к удержанию крестьян в лютеранском вероисповедании не столько усердием к своей церкви, сколько боязнью потерять мирские выгоды, с настоящим званием их соединенные» [Traat 1991, p. 26–27].

Подобные сообщения лишь укрепляли негативное мнение министра внутренних дел Перовского относительно прибалтийских землевладельцев: помещики «стараясь всеми силами противодействовать обращению крестьян в православие» [Gavrilin 1999, p. 126–127]. По мнению местного жандармского надзирателя, подобное отношение проистекало из материальных, а не религиозных интересов: «Главная причина противодействия лифляндских помещиков распространению православия заключается вовсе не в религиозном чувстве, но в опасении, что они утратят то влияние над крестьянами, которым пользуются при содействии преданных им пасторов» (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36470, л. 204). Тем не менее данный этап предполагал большую поддержку обращенным со стороны Санкт-Петербурга, политику, которая с большой вероятностью столкнулась бы с сопротивлением немецких землевладельцев, официальных лиц и духовенства в Прибалтике.

Изменения в атмосфере стали очевидны на «аудиенции» 28 февраля 1846 г., которую Николай I дал прибалтийской знати. Предсказуемо, что последние недооценили проблемы народа и приписали массовые обращения в православие махинациям православного духовенства — главным образом их заявлениям и обещаниям о материальной помощи обращенным. Николай был вежлив, но холоден. Он резко отклонил их заявления о том, что реформы 1816–1819 гг. уже улучшили крестьянскую долю, сказав, что, напротив, «состояние крестьян существенно ухудшилось», и допустив, что причина обращений была не только чисто религиозной. Император опроверг мнение знати о «материальных» источниках обращений (спровоцированных ложными предложениями клира), подчеркнув, что этот, именно религиозный порыв был лишь следствием «угнетенного состояния крестьянства» [Audienz... 1895, p. 177–187]. Николай также начал спорить с лицемерными заявлениями о лютеранском преследовании и спрашивал, действительно ли лютеранская церковь порождает верную, преданную паству. Император ссылаясь на ранние сообщения о том, что, хотя многие пасторы были «абсолютно безупречны», он нашел значительное количество недостойных и охарактеризовал 24 человека как «вялых» в усердии и категорически заявил о других 12 как о неподходящих для пасторской службы [Garve 1978, p. 65].

Основной проблемой было выявление причины крестьянского недовольства. Как и в 1841 г., чиновники из прибалтийских немцев, землевладельцы и пасторы обвиняли православное духовенство в поощрении крестьян к обращению в православие, зачастую сопровождавшемуся обещаниями земли и расселения вплоть до освобождения от долговых обязательств [Harleß 1869, p. 85–136; Walter 1891, p. 158–226; Thimme 1938, p. 94–108]. Даже между 1841 и 1844 гг. немецкие землевладельцы и пасторы задавались вопросом о задачах православного клира. Издание латвийских и эстонских церковных книг в 1844 г., включая катехизис, сборники проповедей и молитвенников, лишь усилило подобную подозрительность (РГИА, ф. 797, оп. 11, д. 29039/а, л. 14; см. также: [Aleksii 1999, p. 503]). В дневниковой записи от 24 июля 1845 г. Фердинанд Вальтер, влиятельный пастор Вольмара (Лифляндия)

и яростный защитник лютеранской церкви, совершенно не сомневался в том, кто был виновен в «вере-продаже» (“Glaubens-Verkauf”), имевшей место в Прибалтике: «Голод 1844–1845 гг. вновь сделал людей восприимчивыми к каждому обещанию материальных благ, но теперь последние сосредоточивались не в Крыму, а непосредственно в Прибалтике. По слухам, тем крестьянам, которые обратились по греческому обряду, была назначена земля их помещика или короны, а те, кто не обратился, возвращались к положению раба... Здесь вновь началось движение в Ригу, к архиепископу, а теперь и к генерал-губернатору Головину, поддерживавшему коварное и принудительное вторжение клира. Кто бы ни приходил, обретал поддержку, и греческое православное духовенство проезжало по всей стране, ходатайствуя за новообращенных перед Церковью и привнося неописуемые мучения массам обнадеженных людей. Лютеранская церковь делала все возможное, чтобы подтолкнуть правительство к выступлению против этих лживых, подлых действий, однако их меры были абсолютно безуспешны» [Walter 1891, p. 199]. В надежде использовать обеспокоенность среди петербургских чиновников, прибалтийские землевладельцы и пасторы предостерегали, что подобная прозелитизация грозит разжиганием массового общественного недовольства и даже распространению «коммунистических идей» [Gavrilin 1999, p. 130]. Некоторые представители немецких элит признавали тяжелую судьбу крестьянства, но причинами полагали плохую погоду и неурожай, утверждая, что только бедность (nur Armut), а не религиозные мотивы вынуждали крестьян переходить в православие. Такое мнение высказывал Генрих фон Яннау, способствовавший переходу в православие в пределах своего прихода, но характеризовавший обращенных как «вероотступников» [Kruus 1927, pp. 9, 26, 29, 38].

Российское духовенство выражало прямо противоположную точку зрения, утверждая, что массовое обращение в православие происходило из религиозных, а не мирских причин [Aleksii 1999, pp. 159–226]. Православное духовенство ссылалось на прежние связи вновь обращенных с православием, подчеркивало отделение крестьян и от помещиков, и от пастората, и категорически отрицало фактор обещания материальных благ. Несмотря на то что прибалтийские немцы имели обыкновение демонизировать православных священников (как обманщиков и манипуляторов), необходимо подчеркнуть, что они, как упоминалось, искренне сочувствовали латвийским и эстонским крепостным, осуждали знатных землевладельцев за эксплуатацию, потому поддерживали миссионерский энтузиазм. Ближайший последователь Иринарха епископ Филарет (Гумилевский)¹¹ возглавлял массовый переход в православие в 1845–1848 гг. и публично писал об ужасающем состоянии прибалтийского крестьянства: «Чего бедные латыши не вытерпели: их терзали, били, замучивали до смерти, как бунтовщиков вместо того, чтобы дать им хлеба, которого они просили. Положение ужасное! Человек умирает с голоду и кричит, терзаемый голодом, а его отдают новым мукам за то только, что он кричит о терзающем его голоде» [Preosviashchennyi Filaret... 1900, p. 907]. Даже если некоторые крестьяне и использовали факт обращения в качестве оружия против всевластия землевладельцев [Ryan 2004], подобная тактика имела успех из-за восприимчивости православного духовенства к вопросу социальной справедливости и готовности всту-

¹¹ Филарет (1805–1866) служил викарным епископом Риги в 1841–1848 гг. и снискал известность в качестве историка церкви. Синод РПЦ канонизировал его как святого в 2009 г.

питься, особенно в приграничных районах, где социальный гнет и религиозное преследование были тесно связаны [Freeze 1989]¹². Так, 2 апреля 1846 г. Филарет выслал обер-прокурору отчет о том, что «жалобы крестьян на притеснение повторяются каждый день, а местные начальства не защищают от притеснений, а усиливают притеснения» (РГИА, ф. 797, оп. 16, д. 38208, л. 3–3 об.). Как Филарет отмечал в другом отчете (19 апреля 1846 г.), репрессии были особенно сильны в отношении вновь обращенных: «Трудно исчислить все роды притеснений, которые испытывают принявшие православие, каковых крестьян, за то, что они в исполнение долга своего отправлялись к священнику исповедоваться и приобщаться Св. Тайн, подвергали наказанию по возвращении на мызы» (РГИА, ф. 797, оп. 16, д. 38208, л. 1). Типичным было сообщение другого священника в августе 1846 г.: «Сего 18-го августа приходил ко мне крестьянин мызы Конгота, деревни Энгю Тани Карл Петр, недавно в присутствии помещика своего изъявивший желание православия, и со слезами жаловался, что помещик его за то, что он захотел в русскую веру, уже два раза наказывал розгами с приговором: “Это тебе за то, что захотел быть русским”» [Traat 1991, p. 165]. Приходские священники также сообщали о том, что лютеранские помещики отказывали в продовольственной помощи обращенным в православие и призывали их «искать помощи и пропитания у православных священников» [Traat 1991, p. 130].

Борьба вокруг обращения в православие имела и другое значительное следствие: она существенно усилила напряженность между Петербургом и прибалтийской верхушкой. С одной стороны, прибалтийские немцы — еще до «аудиенции» с Николаем в 1846 г. — уверовали, что правительство, а не только клир, способствовало этому процессу, что он был обусловлен лишь религиозной подоплекой обрусения (Russifizierung). В результате беспокойство по поводу перехода в православие — наряду с беспокойством о государственной аграрной политике — вынесло термин “Russifizierung” в общественный дискурс [Pistohlkors 1976, p. 624], а фразы наподобие «прогрессивная русификация» [Eck 1891, p. 5] стали повсеместными в последующие десятилетия. Обращение населения в православие, с точки зрения немцев, являлось прямой угрозой их силе и статусу. Как подчеркивалось в 1860-е годы, «отпадение латышей и эстов от протестантства делало страшный подрыв немецкому авторитету в крае, а пасторам угрожало совершенным лишением доходов» [Dvizhenie... 1865, p. 123]. Игравшее ведущую роль лютеранское духовенство также противилось появившемуся у государства намерению утвердить православную церковь в Прибалтике. Один известный пастор жаловался на «очевидную зависимость гражданских властей от русских епископов» и порицал «угнетение лютеранской церкви» [Girgensohn 1881, p. 634]. Однако действия русских в отношении прибалтийских немцев были прямо противоположными. «Нетолерантность и фанатизм среди лютеран — это едва ли не хуже, чем они же среди католиков», — от-

¹² Прибалтийские регионы, вошедшие в состав Российской империи, повсеместно сами провоцировали вмешательство властей в их жизнь. Запись, составленная обер-прокурором («Случаи притеснений и оскорблений, оказанных православному духовенству, латышам и эстам, желавшим принять православие»), включала описание произошедшего с крестьянином, запрашивавшим у землевладельцев документы для перемещений по региону: «Но Г. Миллер, вместо выдачи означенного билета, приказал его отколотить палками до того что он, после сих побоев, был болен целых три дня» (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36377, л. 49).

мечалось в дневнике 1840-х годов одного из официальных лиц Министерства внутренних дел [Buchholtz 1883, p. 138].

По понятным причинам русское духовенство становилось более враждебным. Так, епископ Филарет в письме от 5 ноября 1856 г. обвинил немцев в кампании против него: «Не знаю, известно ли Вам мое положение. Правду сказать, что оно тяжело. Немцы стреляют в меня и пулями и картечью. Градом сыплется брань и не на словах только, но и на бумаге. Переход крестьян в православие для немцев невыносим. Они из себя выходят, домогаясь остановить его. А чтобы остановить его — первое средство к тому доказывать или, по крайней мере, кричать и в Риге, и в Петербурге, что епископ действует грязно. Вот и идет пальба страшная против грешного Филарета» [Preosviashchennyi Filaret ... 1900, p. 908]. Филарет выражал особое недовольство по поводу местных властей, где преобладали прибалтийские лютеране: «Положение православных крестьян теперь стало еще бедственнее. Доселе здешние по крайней мере слышали вопль и стоны их. Теперь и того нет.... Здешние ведут себя так: что пред министерством говорят одно, а здесь делают совсем другое; там кажутся действующими за православие, а здесь действующими против православия» (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36456, л. 38–38 об.).

Обращение в православие прибалтийского населения имело также значительное влияние на российскую внешнюю политику и в особенности на отношения с Германией. Несмотря на то что подобное восприятие поощряло пасторат к проведению реформ, которые должны были наладить их пасторскую деятельность [E. Livland... 1907, p. 1], оно охлаждающе действовало не только на прибалтийскую знать, но и на него, побуждая единоверцев и соподданных в Германии принимать активное участие в балтийских конфликтах. В 1853 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм IV даже ввел в прусских церквях молитвенную службу (Fürbitte) от имени прибалтийских немцев-лютеран [Hehn 1953, p. 20]. Со стороны России самым знаменитым комментарием к ситуации были нашедшие «Письма из Риги» Ю. Ф. Самарина, обрушившегося на прибалтийских немцев и даже правительство — с его бессильными попытками поддержать православных и вновь обращенных в православие [Samarin 1889, p. 134–159], что, конечно, не осталось без ответа [Schirren 1869; Bock 1874].

Обращения в православие привели также к не очень масштабному, но важному перевороту в деятельности православных миссий в Прибалтике [Garve 1978, p. 147–148]. В 1836 г. рижская епархия имела лишь 16 церквей и 12 332 верующих, к 1850 г. число церквей выросло до 109, а прихожан — до 146 тыс. человек, а к 1914 г. данный диоцез насчитывал уже 257 церквей с 273 023 верующими [Brüggermann 2013, p. 91; Gavrilin 1999, p. 189, 329]. Отныне православие охватывало шестую часть населения, с особенно высокой концентрацией верующих в северной Лифляндии. Учитывая их значение, Петербург возвысил Ригу из викарного диоцеза до независимого диоцеза (25 февраля 1850 г.), а в последующие годы направлял сюда все большую финансовую помощь (для строительства церквей, назначения стипендий студентам семинарий, увеличения выплат духовенству). Ни человеческие, ни материальные ресурсы, однако, не росли настолько быстро, и нехватка церквей, духовенства и финансирования в ближайшие десятилетия постоянно ощущалась. Например, в ежегодном отчете за 1850 г. епископ Платон отмечал, что рост численности священников был недостаточен, особенно в сравнении с лютеранским па-

сторатом (РГИА, ф. 796, оп. 132, д. 2357, л. 672 об. — 673 об.). Даже икон было столь мало, что в 1850 г. Синод начал кампанию по изъятию икон из других диоцезов (РГИА, ф. 796, оп. 131, г. 1850, д. 232, л. 1–6). Языковые навыки оставались проблемой: немногие русские священники владели местными языками, и православные латвийцы и эстонцы посещали лютеранские службы, которые проводились на их национальных языках (РГИА, ф. 796, оп. 129, г. 148, д. 155, л. 1–4).

Революции 1848 г. побудили Петербург умерить разногласия еще до обращения в православие желающих сменить веру и, таким образом, принять решительные меры для пресечения чрезмерно рьяной миссионерской активности духовенства. Явным сигналом к переменам стало назначение на пост генерал-губернатора Прибалтики А. А. Суворова вместо Е. А. Головина [Ryan 2008, р. 384]. Нового генерал-губернатора епископ Филарет характеризовал в самых нелестных словах: «Князь Суворов, несмотря на то, что внук знаменитого любовью ко всему русскому делу, до крайности странен в своем усердии к немцам... Беспреданно твердит, что он русский с ног до головы, а насмехается над всем русским и унижает русских открыто» [Vysotskii 1910, iss. 3, chapt. 2, р. 3]. Сам Филарет не смог ужиться с Суворовым, и 6 ноября 1848 г. власти удалили его в Харьков и назначили на его место Платона (Городецкого). В 1849 г. новый архиерей послал директиву благочинным о том, чтобы они были более сдержанны и не позволяли вовлечь себя в крестьянские дела, а также твердо запретил священникам писать петиции от имени крестьян [Ryan 2007, р. 384].

Возвращение в лютеранство

Массовое обращение в православие в 1840-х годах оказалось серьезным стимулом для лютеранского пастората к проведению реформ. Однако самым важным было то, что лютеранский пасторат осознал катастрофический упадок религиозности — даже среди тех, кто принадлежал к лютеранской церкви: «Жизнь прихожан была полностью разрушена; авторитет пастора сведен к нулю» [Girgensohn 1880, р. 633–634]. Обращения в православие, даже если они были обусловлены материальной необходимостью, ясно показывали, что пасторы не смогли внушить своим прихожанам достаточно прочных принципов лютеранского сознания. Даже пасторы, критически настроенные по отношению к российскому духовенству и его якобы ложным методам обращения в свою веру, признали свою неправоту. Так, Адольф фон Харлесс ссылаясь на «внутренние основы ради более простого привлечения других народов [латвийцев и эстонцев]» [Harleß 1869, р. 127–136]. На заседании Синода в 1846 г. один из пасторов описал массовое вероотступничество как божественное наказание и призвал к тому, чтобы пасторы «не считали себя невинными, но смиренно признали свои пороки и глупость» [Garve 1978, р. 63]. Позже в литературе подчеркивались травматический эффект «массового отступничества народа» и необходимость внушать сознание лютеранской идентичности [E. Livland... 1907, р. 1–2]. Все это привело к кампании по «конфессионализации» с целью добиться того, чтобы верующие не просто «верили», но и осознавали себя лютеранами и понимали, что это значит. В частности, церковный собор выдвинул четыре императива в качестве модели пасторской деятельности: 1) расширение пасторской работы посредством проведения частых секретных советов с участием

частных лиц; 2) создание новых приходских организаций, пресвитерия для мобилизации верующих; 3) проведение более разнообразных проповедей путем введения дополнительных церковных служб, встреч для изучения Библии, неофициальных богослужений; 4) честное исполнение обязанностей, регулярный контроль за разделением церковных полномочий [Garve 1978, p. 64].

Конфессионализация верующих была лишь одним аспектом реформирования церковной жизни, другой аспект — возвращение в прежний круг единомышленников, ставшее перед пасторством совершенно иной задачи, поскольку государственное законодательство позволяло переход в православие, но запрещало выход из него. Помимо этого закон требовал, чтобы дети от смешанных (лютерано-православных) браков воспитывались православными [Garve 1978, p. 153–156]. Подобно собственно обращению в православие, «отступничество» от него, нарекаемое балтийскими немцами «возвращением», имело множество объяснений: неустановленное родство для принятия веры лютеранства, недостаток православных церквей и священников, разочарование в распределении материальных благ, давление, оказываемое знатными помещиками и односельчанами, а также разнообразные формы дискриминации обращенных, например исключение православных детей из лучших лютеранских школ [Ryan 2008, p. 56–57; Kroeger 1956, p. 191–196; Haltzel 1977, p. 65–68; Stephany 1931, p. 3–56]. Изначально российская епархиальная власть в Риге уже в 1847 г. сглаживала эти проблемы, как бы не видя их, о чем свидетельствует сообщение Филарету: «Получены сведения, будто бы из числа Лифляндских крестьян, присоединившихся к Православию, многие обращались к местным лютеранским проповедникам с просьбами о дозволении им возвратиться в Лютеранское исповедание» (РГИА, ф. 797, оп. 17, д. 40044, л. 1). Епископ Филарет 20 марта 1847 г. «конфиденциально» ответил, что до сих пор из десятков тысяч обращенных лишь четыре уже осуществили подобный запрос, что реальной динамикой обладала не переоценка обращенными религиозных идей, а неослабевающее давление помещиков и пасторов (РГИА, ф. 797, оп. 17, д. 40044, л. 2–4). Несмотря на заверения Филарета, 16 апреля 1847 г. обер-прокурор просил Филарета опубликовать приказ, в исполнение которого «местные приходские священники употребляли все возможные старания к утверждению в догматах Православия лиц, колеблющихся в оном, наставляя их на путь истины чисто духовными убеждениями, кроткими, но ревностными: ибо дело идет о целостности достояния Св. Церкви и об ограждении оной от нареkania» (РГИА, ф. 797, оп. 13, д. 40044, л. 5). По причине неудачной политики духовенства или из-за широко распространившихся религиозных притеснений (РГИА, ф. 797, оп. 15, д. 36378, л. 1–148) число вероотступников постоянно росло и вынуждало епархиальные власти Риги признать важность проблемы. Уже в 1849 г. новый епископ Риги Платон (Городецкий) жаловался на то, что некоторые из вновь обращенных в православие не объединились и в действительности уровень «уважительно отсутствующих» на исповеди в 1850 г. составлял 10,3 % среди мужчин и 10,5 % среди женщин, в то время как в империи в целом 7,5 и 7,0 % соответственно (РГИА, ф. 796, оп. 132, г. 1851, д. 636). Периодически — в 1853, 1855, 1858 и особенно в 1864 гг. — вспыхивали волнения из-за коллективных петиций в защиту «возвращений» [Ryan 2008, p. 376, 381]. Платон считал виновными прибалтийские немецкие власти, обвиняя их в том, что они затрудняют преследование лютеранских пасторов за нарушения государственных законов, запрещавших

ереси (РГИА, ф. 796, оп. 132, г. 1851, д. 2288, л. 1–45). Священный Синод в Санкт-Петербурге поддержал епископа, заметив, что Платон «неоднократно» жаловался на подобные нарушения и на отказы местных властей в исполнении закона (РГИА, ф. 796, оп. 132, д. 2288, л. 109–166).

Протесты во имя легализации возвращения в прежнюю веру и регистрации потомков смешанных лютерано-православных семей в качестве лютеран постепенно нарастали в 1850-е годы. Прибалтийские немцы, например генерал-суперинтендент Ф. Вальтер, выступали за изменение закона, последний даже получил поддержку прибалтийского генерал-губернатора Суворова [Garve 1978, p. 160–161]. Какими бы ни были мотивы возвращения в прежнюю веру, они ставили лютеранского пастора в уязвимое положение: выполняя пасторский долг защиты верующих, он тем самым угрожал политике прозелитизации среди православных. Тем не менее многие пасторы шли на это, соглашаясь на просьбы, особенно если речь шла о крещении детей из смешанных семей, хотя это было весьма рискованно, о чем свидетельствуют личные записи высокопоставленного лица из лютеран Лифляндии Фридриха Хольманна [Staël 1906, p. 60; Wittram H. 2011, p. 122–125]. Кризис достиг апогея к началу 1860-х годов, так как «возвращения» все учащались, да и перепись православных благочинных показала, что подавляющее число священников склонялось к переходу в лютеранство. Несмотря на то что мнения сильно и широко разнились (один священник утверждал, что «никто не может остаться» православным, в то время как другой заявлял, что это допустимо), перепись была весьма озадачивающей [Ryan 2008, p. 390]. Помимо уже сложившихся факторов, начиная с разочарования вплоть до нехватки православных церквей и представителей духовенства, «Великие Реформы», возможно, отразили большие надежды на либерализацию политики, особенно ввиду возраставшего немецкого присутствия и влияния в столице [Leppik 2005, p. 71–73; Nazarova 2005, p. 268]. Министр внутренних дел являл собой прекрасный пример: в отличие от Л. А. Перовского 1840-х годов П. А. Валуев, с его сильными личными связями в среде прибалтийских немцев, считался вовлеченным в процесс обеспечения свободы совести в целом и в Прибалтике в частности (РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 158, л. 1–16).

Александр II, несмотря на всплеск активности и влияния среди прибалтийских немцев [Harleß 1869, p. 158–218], тем не менее считал очень трудной легализацию перехода в лютеранство. Это было очевидно в его ответе на воззвание лифляндского предводителя дворянства, писавшего: «Дела идут своим чередом, Александр должен принять во внимание мнения, он не может просто следовать своим личным взглядам» [Staël 1896, folio 36]. Император озвучил то же мнение Валуеву, заметив, что «принуждение в вопросе совести недопустимо и несправедливо и не способствует репутации Церкви» [Valyev 1961, vol. 1, p. 280]. Более того, любые уступки были проблематичны после Польского восстания 1863 г., обострившего национальные и конфессиональные вопросы, а в условиях нараставшего общественного обсуждения «немецкого вопроса» оба фактора значительно ограничивали возможность императора маневрировать [Bock 1874; Schirren 1869; Pogodin 1869; Haltzel 1977, p. 126–33; Martin 1991, p. 373–434; Isakov 1961, p. 58–61; Majorova 2006]. Православная церковь также не была тиха и уступчива: Синод, вопреки своему «раболепному» образу, а также обер-прокурор твердо защищали интересы церкви и презирали государственные интересы.

Александр II, несмотря на свои личные взгляды, также понимал, что уступки прибалтийским немцам могут лишь разжечь подобные же настроения среди других конфессий, что, в свою очередь, вызовет вражду с православными. Данный ребус отражал особую проблему много- (не только дуо-) конфессионального государства: политические меры были направлены не только на решение проблем, но и на создание прецедентов для других конфессий. Для обсуждения вопроса и выигрыша во времени император создал особый комитет, а также послал в Прибалтику в апреле 1864 г. доверенное лицо, графа В. А. Бобринского, чтобы получать информацию от первого лица о положении дел в Прибалтике.

В. А. Бобринский, не имевший связей в Прибалтике, предоставил отчет, который был резко раскритикован Русской православной церковью и ее представителями на местах. Его вступительное слово было бескомпромиссно: «Везде крестьяне убедительно и со слезами просили меня передать Вашему Величеству их просьбы о том, что дозволено было им самим или по крайней мере их детям исповедовать Лютеранскую веру». Бобринский признал мнение прибалтийских немцев о том, что обращенные были мотивированы лишь материальными выгодами, а не религиозными убеждениями, и, следовательно, многие обращенные были православными лишь номинально: «Из числа 140 000 православных, числившихся по официальным данным в Лифляндии, едва 1/10 часть, может быть, действительно исповедует Православную веру; остальные же не только никогда душою не были Православными, но и в исполнении внешних своих религиозных обязанностей придерживаются и поныне, по мере возможности, обычаев и обрядов Лютеранской церкви». Ради перехода «обращенных» в православие было сделано немного, учитывая слабое церковное устройство в Прибалтике. В действительности церковь и государство возвели лишь 46 из 113 запланированных церквей (40,7 %) и лишили финансирования прихожан, клир и школы, что было особенно заметно на фоне лютеранской политики в этой области [Obolenskii 1894, p. 583–592]¹³.

Церковь не подчинялась подобному осуждающему мнению: архиепископ Платон Рижский провел повторное расследование ситуации в Прибалтике, однако его отчет рисовал диаметрально противоположную картину. По мнению Платона, большинство обращенных были преданы православию, а просьбы о легализации возвращения в прежнюю веру были связаны лишь с жестокими гонениями со стороны немецких помещиков и пасторов. Однако достоверность отчета Платона резко ставил под сомнение одновременный отчет сопровождавшего его в поездке официального представителя местных прибалтийских властей, по мнению Платона, шпиона, приставленного к нему [Staël 1906, p. 59–60]. По утверждению этого «шпиона», когда Платон встречался с православными крестьянами одной из деревень, чтобы выслушать их волю, от крестьян на него посыпались «просьбы об освобождении от мрака Православной Церкви, чьи учения и традиции абсолютно им непонятны». Подобные жалобы архиепископ якобы получал повсюду: «Из толпы звучали голоса, настойчиво требовавшие освобождения из-под гнета православия». Когда епископ попытался ободрить верующих заявлением о том, что император назначил сумму на строительство новой церкви, ответ крестьян был

¹³ Отчет Бобринского едва ли был конфиденциальным, он был широко известен в Германии [Buchholtz 1888, p. 327–334]. Немецкий издатель даже издал его на французском языке [Bobrinskii 1870].

недвусмысленным: «Речь его была прервана криками из толпы: мы не нуждаемся в Православной Церкви, мы лишь хотим, чтобы нам вернули нашу прежнюю веру» (РГИА, ф. 908, оп. 2, д. 45, ч. 1, л. 40–42; см. также: [Isakov 1961, p. 58–59; Eine Visitationsfahrt... 1905]).

Общественное мнение и церковная оппозиция поставили императора в чрезвычайно сложное положение. Назначенный им генерал-губернатор Прибалтики граф П. А. Шувалов заявил, что император должен выбрать между массовым принуждением и религиозной свободой [Thaden 1981, p. 147]. Противостоявший критике Запада, даже дружественному воздействию своего верного союзника Отто фон Бисмарка [Oubril 1894; Muskat 1934, p. 88–96], однако восприимчивый к влиянию православного духовенства и русских националистов, Александр II сделал выбор в пользу ожидания: в марте 1965 г. вместо изменения закона он издал секретный декрет с наставлением местным властям не обеспечивать условий для воспитания в православных традициях детей из смешанных семей. Наказ Александра, разумеется, стал известен [Eckardt 1870, p. 382–383]. Не был он и эффективным, так как он не остановил гонения на пасторов, оказывавших содействие обращенным в православие, как и не отвечал стремлениям прибалтийских немцев. В результате подавляющее большинство пасторов в Лифляндии — 93 из 105 — оказались под следствием [Haltzel 1977, p. 69–70]. Как только ряд пасторов был обвинен, в Европе вспыхнула волна протестов и критики [Garve 1978, p. 183–194], и 22 июля 1874 г., в который раз, император выбрал путь неформального, а значит, незаконного компромисса: не меняя предписанного закона (и тем самым спровоцировав критику со стороны православных и инициировав аналогичные требования со стороны других конфессий), император приказал властям приостановить преследования пасторства. Однако то, что секретные директивы, оставившие закон неизменным, могли быть отменены росчерком пера, как прекрасно показал опыт лифляндских Синодов 1865 и 1866 гг. и что отчетливо поняли прибалтийские немцы, лишь осложнило ситуацию [Garve 1978, p. 170–172].

Борьба вокруг государственного политического курса стала центральным вопросом дискуссий о «прибалтийском немецком вопросе» в российской прессе, с опубликованием ответных опровержений немецкой стороны. Серия критических статей появилась в известных православных изданиях, таких как «Странник» и «Православное обозрение» [Isakov 1961, p. 58–61, 129–131]. В то время как лютеранская пресса в Германии могла беспрепятственно публиковать все, цензура в отношении православных публикаций была более жесткой. Так, в 1865 г. III Отделение сообщило о недовольстве императора статьей в «Православном обозрении», где император нашел один из пассажей «неуместным». В пассаже обсуждаемой статьи сообщалось о приближающемся повороте в политике, который может вынудить императора спланировать легализацию возвращений в прежнее исповедание. После решительного сопротивления церкви, в особенности митрополита Филарета [Дроздова] [Filaret 1905, p. 282–287] — благодаря его официальным и личным связям с обер-прокурором, следствие над пасторами в конечном счете было прекращено (РГИА, ф. 797, оп. 35, отд. 1, д. 213, л. 1–17). Дебаты достигли и епархиальной прессы, вызвав раздражение правительственной цензуры. Например, «Вятские епархиальные ведомости» опубликовали статью «О Православии между латышами и эстами в Прибалтийских губерниях» (1864, № 23), вызвавшую протест министра

внутренних дел. Обер-прокурор передал жалобу Синоду, добавив, что «столь же неуместная полемика относительно Остзейского сепаратизма, не принося никакой пользы делу, ... может возбудить только, в среде иноверного общества Прибалтийского края, самые неприязненные чувства» (РГИА, ф. 797, оп. 35, отд. 1, д. 49, л. 1–5 об.). Несмотря на то что правительство увеличивало бюджетные ассигнования Православной церкви в рижском диоцезе¹⁴, прибалтийские немцы одержали полную, хотя и условную победу.

Русификация и репрессии

Действительно, победа прибалтийских немцев была условной и временной: Александр III взошел на трон в 1881 г. и вскоре продемонстрировал полную антипатию к их привилегиям и притязаниям. Такое отношение мгновенно нашло выражение в правительственной политике и распространилось на религиозную сферу [Polunov 1993; Titov 1902; Aivazov 1913]. Император в отличие от своего отца грубо отверг просьбы прибалтийских немцев и их единоверцев из имперской Германии [Garve 1978, p. 183–194]. Таким образом, Александр III не только отказался принимать прошения прибалтийской знати в 1885 г., но и ясно дал понять, чтобы «более подобные петиции не предъявлялись» [Haltzel 1877, p. 108, 117]. Фактически обращения в православную веру продолжались на протяжении всего его правления¹⁵, вызывая горячие отклики императора: «Это весьма важное и знаменательное движение, которое для меня весьма утешительно. Необходимо правительству поддержать вновь обратившихся и не давать их в обиду» (НИОР РГБ, ф. 230, к. 4409, д. 2, л. 58–58 об.). Новый император разделял мнение губернатора Эстляндии князя С. В. Шаховского о важности православия в противодействии прибалтийской исключительности: «Не будем слепы. Весь так называемый Остзейский вопрос разрешается только и единственно путем присоединения местного населения к православию. Лютеранство — единственная связь между немцами и коренным населением. Порвите эту связь — и все чуждое и враждебное России всплывёт на поверхность. Не забывайте, что Россия и православие синонимы» [Iz arhiva ... 1909, vol. 1, p. 27]. На предложение распространить православие, чтобы ослабить чуждые Прибалтике немецкие порядки, император отвечал: «Этого-то я так горячо и желаю» (РГИА, ф. 796, оп. 165, д. 2341, л. 1). Помимо увеличивавшегося финансирования православных церквей и школ правительство также предпринимало шаги для установления полного контроля над лютеранскими церквями и для прекращения возвращений в лютеранскую веру, допускавших Александром II. Таким образом, императорский Указ от 26 июля 1885 г. отменил секретную директиву 1865 г. и заново восстановил условие, согласно которому дети из смешанных семей воспитывались в православных традициях [Weber 2013, pp. 79–84]. По одной из оценок,

¹⁴ Так, в 1869 г. император утвердил 800 тыс. руб. ассигнований на строительство 34 новых церквей (в действительности, учитывая реальные цены, этой суммы было достаточно лишь для возведения 30 церквей), а на следующий год увеличил субсидию на выплаты прихожанам [Gavrilin 1999, p. 260–261].

¹⁵ Исходя из синодальных записей, в 1883–1887 гг. было осуществлено 15 652 обращения, а в 1888–1894 гг. — 7942 [Brüggermann 2013, p. 106; Gavrilin 1999, p. 288, 293]. Для более детального расчета по Лифляндии (по году, полу, возрасту, материальному положению и социальному статусу) см.: [Carlberg 1895].

приблизительно 16 тыс. молодых людей из смешанных семей были крещены как лютеране [Haltzel 1977, p. 107]. С уровнем в 1880 г. межнациональных браков в 48 % и примерно таким же на следующий год проблема религиозной принадлежности детей неминуемо должна была стать существенной [Kahle 1959, p. 218]. Как верно предсказал обер-прокурор К. П. Победоносцев, как только о новом приказе станет известно, «ропота и раздражения будет много» [Pobedonostsev 1925, vol. 2, p. 83]. Император также одобрил и новые законы, даровавшие Православной церкви право покупать землю для нужд церкви и кладбищ (1885), утверждать новое руководство над лютеранскими Синодами (1885), предоставлять православным на одобрение любое новое возведение церкви (1885), подчинил лютеранские школы Министерству образования (1885), запретил налогообложение православных верующих лютеранскими церквями (1886), а также иностранные миссии и сбор средств в их пользу (1889), аннулировал право ландтагов выбирать президента консистории (1891), ввел обязательность ведения метрических книг на русском языке (1891).

Что было наиболее поразительно, так это то, что император отменил решение своего отца от 1874 г. о приостановлении преследования пасторов и, следовательно, открыл двери следствиям, обвинениям и судебным тяжбам [Weber 2013; Garve 1978, p. 251–263]. В целом российские власти привлекли к ответственности 128 пасторов, порой всего за несколько незначительных нарушений. Немаловажно, что преследования приняли новый оборот в 1890 г., с внедрением имперской судебной системы: вердикты и приговоры стали значительно более суровыми. В дореформенных судах (до 1890 г.) почти половина процессов завершалась оправдательным решением, а во многих случаях обращения в Сенат приводили к отмене обвинительного вердикта. После же 1890 г. нормой стали обвинительные приговоры, лишь 4 случая завершились оправданием. Хотя закон и предусматривал жестокие наказания (вплоть до сибирской ссылки), правоприменительная практика в отношении пасторства была умеренной — обычно это было или отстранение от должности на несколько месяцев, или, изредка, кратковременное тюремное заключение, и лишь в девяти случаях — высылка за пределы губернии.

Тем не менее преследования авторитетных пасторов, да еще и в таких масштабах, были не чем иным, как общественной катастрофой для Российского государства. Предсказуемо, что прибалтийские немцы стойко противились «русификации» в целом и нападкам на лютеранство в частности. Типичным было решение лифляндского Синода в 1891 г.: «Это разумный официальный долг протестантско-лютеранских пасторов — нести пасторскую службу, как ранее, по отношению к заново обращенным как к полноправным членам лютеранского прихода» [Staël 1896, p. 728–729]. Неудивительно, что «пасторские суды» спровоцировали лавину критики на Западе и привели к волне русофобии, особенно в Германии. Немаловажно, что «прибалтийские гонения» заняли важное место в немецкой прессе, где печатались детальные отчеты о пасторских судебных процессах [Registrierung 1895]. В прессе появлялись характерные сообщения, как, например, о нарушениях свободы совести в лейпцигской газете («Bruch», 1887). Лютеранская пресса уделяла им значительное внимание — в 1886 г. появилось 26 статей, в середине 1890-х годов — десятки каждый год [Hehn 1953, p. 57]. Все это сопровождалось изобилием брошюр и журнальных статей. Характерной была заметка в известном «Preussische Jahrbücher», выдвинувшая провокативное заявление: «Эта коалиция рус-

скости и православия начала атаку на европейскую цивилизацию (*Kultur*)» [Hehn 1953, p. 124]. В течение следующих нескольких лет число книг и брошюр быстро увеличивалось [Buchholtz 1888; Eck 1891], и некоторые из них имели весьма красноречивые названия, например «Изнасилование русских остзейских провинций» [Vergewaltigung 1886]. Самая известная атака — публикация, переведенная и опубликованная на английском, французском и русском языках, — принадлежала перу петербургского пастора Германа Далтона, который написал «открытое письмо» обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву [Dalton 1889; Benford 1973; Stupperich 1963]. Положение прибалтийских немецких пасторов находилось и в центре внимания лютеранских собраний в имперской Германии, например пасторских конференций в 1889 и 1891 гг. [Hehn 1953; Eck 1891].

Преследования нанесли такой значительный урон российской международной репутации, что к 1893 г. даже их родоначальник К. П. Победоносцев советовал прекратить их. Император осуществил это в июне 1894 г. Двумя годами позже его преемник, Николай II, освободил 50 пасторов по случаю своего бракосочетания. Вопрос религиозной свободы не исчез с освобождением пасторов. Немецкая пресса продолжала концентрироваться на этой проблеме [Freymann 1904] вплоть до закона 17 апреля 1905 г., когда правительство даровало частичную свободу совести, включая право возвращения в прежнюю веру. Десятилетия обращений в православие и конфликтов в Прибалтике завершились для Петербурга поражением: прибалтийские немцы и Лютеранская церковь неколебимо сохраняли здесь свой контроль вплоть до гибели самой империи в 1917 г.

Заключение

Прибалтийский конфессиональный вопрос стал для Российской империи длительным и «ядовитым», как *Kulturkampf* — «религиозная» война, начатая и проигранная в 1870–1880-х годах О. Бисмарком. С одной стороны, Российское государство пыталось найти преимущественно пути «административной интеграции» регионов, присоединенных к империи, при этом сохраняя их фундаментальную «инаковость» (например, при помощи закона о разводах) и значительную функциональную автономию. С другой же стороны, само это стремление указывает на противоречивый характер политики, частично из-за уравнивания Лютеранской церкви с ее очевидным статусом дозволенной «иностранной веры». Однако более важным было растущее убеждение в том, что «административная интеграция» была лишь частью более масштабной политики «русификации», когда и был взят на вооружение популярный в 1840-е годы термин, казавшийся подходящим в условиях изменившейся культурной политики Российского государства, часть которой, например, обязательное использование с 1850 г. русского языка в делопроизводстве местной администрации.

Но самым неожиданным и провокативным образом русификация в культуре проявила себя в конфессиональной плоскости, а именно в создании нового диоцеза (с основанием семинарии для обучения священников, которые не только владели латышским и эстонским языками, но и все чаще были выходцами из самобытного низшего сословия Прибалтики), а также в политике поощрения перехода в православие и защиты вновь в него обращенных. В течение полувека после массового

перехода населения в православие в 1840-х годах государство было вынуждено сохранять существующий закон и защищать prerogatives Русской православной церкви, а кроме того, ее исключительное право на прозелитизацию. Александр II начал двухдесятилетнее отступление от этого политического курса, но не в законодательстве, которое не смогло решить проблему, таким образом императору удалось удовлетворить прибалтийские лютеранские элиты и избежать союза православного духовенства и русских националистов. В век «второй конфессионализации» правительство многонациональной страны нашло возможным примирить непримиримое, стать надконфессиональным (всецело справедливым), не нарушая права отдельных конфессий, в данном случае — лютеран и православных. В дуо-конфессиональных государствах религия могла действительно способствовать интеграции и развитию национальной идентичности, в данной же многонациональной империи, становившейся все более децентрализованной в национальном и культурном аспектах, конфессионализация являлась первичным источником конфликта, лишь усиливавшего нестабильность режима.

Литература / References

- Agende für die evangelisch-lutherischen Gemeinden im Russischen Reich*. Pt. 1. St. Petersburg, R. Golicke, 1897, 429 p. (In German)
- Aivazov I. G. *Zakonodatel'stvo po tserkovnym delam v tsarstvovanie Aleksandra III-go*. Moscow, Pechatnia A. I. Snegirovoi, 1913, 222 p. (In Russian)
- Aleksii II, patriarch. *Pravoslavie v Estonii*. Moscow, "Pravoslavnaia entsiklopediia" Publ., 1999, 703 p. (In Russian)
- Amburger Erich. *Geschichte des Protestantismus in Russland*. Stuttgart, Evangelisches Verlagswerk, 1961, 210 p. (In German)
- Audienz der livländischen Deputierten beim Kaiser Nicolai I. am 28. Februar 1846. *Baltische Monatsschrift*, 1895, vol. 42, pp. 177–187. (In German)
- Benford B. *Herman Dalton and Protestantism in Russia*. PhD Diss. Indiana, Indiana University Press, 1973, 319 p.
- Bischof Dr. Ferdinand Walter, weil. General-Superintendent von Livland: *seine Landtagspredigten und sein Lebenslauf nach Briefen und Aufzeichnungen*. Ed. by Walter Julius. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, 1891, 101 p. (In German)
- Blaschke O. Abschied von der Säkularisierungslegende. Daten zur Krierekurve der Religion (1800–1970) im zweiten konfessionellen Zeitalter. *Eine Parabel*, 2006, no. 1, 50 p. (In German)
- Blaschke O. Das 19. Jahrhundert: Ein Zweites Konfessionelles Zeitalter? *Geschichte und Gesellschaft*, 2000, no. 26, pp. 38–75. (In German)
- Bobrinskii A. A. *Rapport du général-major à M. le comte de Bobrinski, suivi d'un mémoire. Documents relatifs à la question de libre confession en Livonie, présentés 18/30 avril 1864*. Berlin, B. Behr Publ., 1870, 18 p. (In French)
- Bock Waldemar. *Russische Bekehrungen wie sie Herr Georg von Samarin enthüllt und bekennt*. Leipzig, Verlag von E. Bitter, 1874, 338 p. (In German)
- Bogdan K. Das Polnische und Litauische Seminare an der Königsberger Universität von 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. *Nordost-Archiv*, 1994, no. 3, pp. 393–427. (In German)
- Der Bruch der Gewissensfreiheit und die kirchliche Nothlage in der baltischen Provinzen, *Russisch-baltische Blätter*, 1887, no. 3, pp. 18–51. (In German)
- Brüggemann K. Noveishaia istoriografiia istoriia pribaltiiskikh gubernii v sostave Rossiiskoi Imperii (XVIII — nachalo XX v.). Ot starykh stereotipov k novomu osmysleniiu, *Rossiiia i Baltiia: ostzeiskie gubernii i Severo-Zapadnyi kraj v politike reform Rossiiskoi imperii: 2-ia polovina XVIII v. — XXV*. Ed. by A. O. Chiubarian. Moscow, Institut istorii RAN Publ., 2004, pp. 220–245. (In Russian)
- Brüggemann K., Bradley D. Woodworth. Entangled Pasts — Russia and the Baltic Region. *Russland an der Ostsee*. Eds K. Brüggemann and B. D. Woodworth. Köln; Wien, Böhlau Verlag, 2012, pp. 3–26. (In German)

- Brüggermann Karsten. Ein Fall von "Vrschmelzung" mit Russland? Zur nationalen Frage in der Orthodoxen Kirche der Ostseeprovinzen im späten Zarenreich. *Nordost-archiv*, 2013, no. 22, pp. 89–111. (In German)
- Buchholtz A. *Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Rußlands*. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, 1888, 409 p. (In German)
- Buchholtz A. *Fünfzig Jahre Russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen*. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, 1883, 297 p. (In German)
- Carlberg N. Statistik der Konfessionswechsels in Livland. *Baltische Monatsschrift*, 1895, no. 42, pp. 795–802. (In German)
- Christiani Arnold. Zur liturgischen Frage in Livland. *Dorpater Zeitschrift für Theologie und Kirche*. Leipzig, Dörffling und Franke Publ., 1861, pp. 434–454. (In German)
- Dalton H. *Offenes Schreiben an den Oberprokureur des russischen Synjods, Herrn Wirklichen Geheimrat Konstantin Pobedonoszeff*. Leipzig, Verlag von Duncker & Humblot, 1889, 90 p. (In German)
- Dalton H. *Verfassungsgeschichte der Evangelisch-Lutherischen Kirche in Rußland*. Gotha, Friedrich Anbreas Perthes Publ., 1887, 429 p. (In German)
- Dolbilov M. *Russkii kraï, chuzhaia vera: etnokonfessional'naia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 999 p. (In Russian)
- Dvizhenie latyshei i estov v Livonii s 1841 goda, *Chteniia OïDR*, 1865, book 3, pp. 109–143. (In Russian)
- E. Livland um die Mitte des 19. Jahrhunderts. *Baltische Monatsschrift*, 1907, 49, vol. 64, no. 7–8, pp. 1–19. (In German)
- Eck Samuel. *Die kirchliche Lage in den Baltischen Provinzen Rußlands; vortrag gehalten auf der Allgemeinen Pfarrconferenz der evangelischen Geistlichen der Provinz Starkenburg*. Darmstadt, Ö Verlag von Johannes Maitz, 1891, 47 p. (In German)
- Eckardt Julius. *Modern Russia*. London, Smith Elder & Co., 1870, 388 p.
- Eine Visitationsfahrt durch Livland im J. 1864. *Baltische Monatsschrift*, 1905, 40, pp. 233–287. (In German)
- Filaret (Drozdov). *Mneniia i otzyvy i pis'ma Filareta, mitropolita moskovskogo i kolomenskogo, po raznym voprosam za 1821–1867 gg*. Moscow, Sinodal'naia tipografiia, 1905, 387 p. (In Russian)
- Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860. *Journal of Modern History*, 1990, no. 62 (December), pp. 709–748.
- Freeze G. L. Church and Politics in Late Imperial Russia: Crisis and Radicalization of the Orthodox Clergy. *Russia under the Last Tsar: Opposition and Subversion, 1894–1917*. Ed. by Anna Geifman. Oxford, Blackwells, 1999, pp. 269–297.
- Freeze G. L. Priests and Revolution: The Parish Clergy of Vladimir in 1905. *Rethinking the Russian Revolution of 1905: The Russian Revolution of 1905 in Transcultural Perspective: Identities, Peripheries, and the Flow of Ideas*. Eds Felicitas Fischer von Weikersthal, Frank Grüner, Susanne Hohler, Franziska Schedewie, Ralph Tuchtenhagen, Raphael Utz, Katja Wezel, with the assistance of Gregory L. Freeze. Bloomington, Slavica, 2013, pp. 19–38.
- Freeze G. L. Die Laisierung des Archimandriten Feodor (Bucharev) und ihre kirchenpolitischen Hintergründe. Theologie und Politik in Russland der Mitte des 19. Jahrhunderts. *Kirche im Osten*, 1985, no. 28, pp. 26–52. (In German)
- Freeze G. L. Lutheranism in Imperial Russia: Critical Reassessment. *Luther zwischen den Kulturen*. Eds Hands Medick and P. Schmidt. Göttingen, Vandenhoeck, 2004, pp. 297–317.
- Freeze G. L. The Orthodox Church and Serfdom in Prereform Russia. *Slavic Review*, 1989, no. 48, pp. 361–387.
- Freeze G. L. A Social Mission for Russian Orthodoxy: The Kazan Requiem of 1861. *Imperial Russia, 1700–1917: State, Society, Opposition*. Eds Marshall Shatz and Ezra Mendelsohn. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1988, pp. 115–135.
- Freymann R. von. Die Religionsverbrechen nach dem neuen Strafgesedtz. *Baltische Monatsschrift*, 1904, Jg. 46, Bd. 57, pp. 313–332. (In German)
- Freymann R. von. *Gesetz für die Evangelisch-Lutherische Kirche in Russland, mit Erläuterungen*. Reval, Kluge, 1901, 308 p. (In German)
- Garve Horst. *Konfession und Nationalität. Eini Beitrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert*. Marburg; Lahn, Publ. by J. G. Herder Institut, 1978, 276 p. (In German)
- Gavrilin A. *Ocherki istorii rizhskoi eparkhii*. Riga, Filokaliia, 1999, 368 p. (In Russian)
- Girgensohn R. Dr. Otto Girgensohn, Superintendent und Oberpastor zu St. Olai in Reval. *Baltische Monatsschrift*, 1881, Bd. 28, pp. 39–49, 330–346, 488–510, 615–642, 732–772. (In German)

- Guntram P. *Die Wirksamkeit der Herrnhuter Brüdergemeinde unter den Esten und Letten zur Zeit der Bauernbefreiung (vom Ausgang des 18. Bis über die Mitte des 19. Jhs.)* Köln; Wien, Böhlau Verlag, 1974, 470 p. (In German)
- Haltzel Michael. *Der Abbau der deutschen ständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Rußlands*. Marburg, Publ. by J. G. Herder Institut, 1977, 168 p. (In German)
- Harleß Adolf von. *Geschichtsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands vom Jahre 1845 an*. 2nd ed. Leipzig, Verlag von Duncker & Humboldt, 1869, 221 p. (In German)
- Hoffmann Konrad. *Volkstum und ständische Ordnung in Livland. Die Tätigkeit des Generalsuperintendenten Sonntag zur Zeit der ersten Bauernreformen*. Königsberg, Ost-Europa-Verlag, 1939, 153 p. (In German)
- Hope Nicholas. Die Herrnhuter in Livland und Estland im 19. Jahrhundert. *Estland, Lettland und westliches Christentum*. Ed. by Siret Rutiku and Reinhart Staats. Kiel, Friedrich Wittig Verlag, 1998, pp. 133–152. (In German)
- Isakov S. G. *Ostzeiskii vopros v russkoi pechasti 1860-kh godov*. Tartu, Tartu Riiklik Ülikool, 1961, 185 p. (In Russian)
- Iz arkhiva Kniazia S. V. Shakhovskogo. In 3 vols. St. Petersburg, V. M. Eriks Publ., 1909; vol. 1 — 324 p., vol. 2 — 311 p., vol. 3 — 334 p. (In Russian)
- Jannau H. G. von. *Vene-õigesusutulekust Lõuna-Eestis 1845–1846*. Ed. by Kruus Hans. Tartu, Loodus Publ., 1927, 138 p. (In Estonian)
- Jürjo Indrek. Das nationale Erwachen der Esten im 19. Jahrhundert — ein verdienst der deutschbaltischen Aufklärung? *Nordost-Archiv*, 1995, no. 4, pp. 409–430. (In German)
- Kabuzan V. M. *Rasprostranenie pravoslaviia i drugikh konfessii v Rossii v XVIII — nachale XX v. (1719–1917 gg.)*. Moscow, Publ. by Institut istorii RAN, 2008, 270 p. (In Russian)
- Kahle Wilhelm. *Die Begegnung des baltischen Protestantismus mit der russischen-orthodoxen Kirche*. Köln, E. J. Brill Publ., 1959, 295 p. (In German)
- Kahle Wilhelm. *Wege und Gestalt evangelisch-lutherischen Kirchentums in Rußland*. Erlangen, Martin-Luther-Verlag, 2002, 359 p. (In German)
- Kaskla Edgar V. *Estonian Nationalism in Comparative Perspective*. PhD Diss. University of California Irvine, 1992, 437 p.
- Klot-Heydenfeldt Burchard von. *Nichts thut aus eitler Ehre: Lebensnotizen des livländischen Generalsuperintendenten Gustav Reinhold v. Klot (1780–1855)*. Oranienbaum, Mare Balticum Publ., 2000, 224 p. (In German)
- Kroeger Gert. Die evangelisch-lutherische Landeskirche und das griechisch-orthodoxe Staatskirchentum in den Ostseeprovinzen 1840–1918. *Baltische Kirchengeschichte*. Ed. by R. Wittram. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1956, pp. 177–206. (In German)
- Kruus Hans. *Talurahva käärimine lõuna-estis XIX sajandi 40-ndail aastail*. Tartu, Eesti Kirjanduse Selts Publ., 1930, 463 p. (In Estonian)
- Kyra R. Die Verbreitung der Bibel in Estland. *Die Bibelübersetzung und ihr Einfluß auf die estnische*. Ed. by Karl Heinz Borck. Lüneburg, Carl-Schirren-Gesellschaft Publ., 1996, pp. 45–55. (In German)
- Leppik Lea. Die Generalgouverneure im Baltikum — Instrumente zur Vereinheitlichung des Russischen Imperiums ode rein Schutz der baltischen Sonderordnung? *Estland und Russland: Aspekte der Beziehungen beiden Länder*. Ed. by Olaf Mertelsmann. Hamburg, Kovač Publ., 2005, pp. 55–76. (In German)
- Liprandi I. P. Raz'iasnenie donesenii pravitel'stvu o perekhode v 1845 godu latyshei i čukhon livonskikh v pravoslavie. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh (Chteniya O IDR)*, 1868, book 3, pp. 142–166. (In Russian)
- Listovskii I. S. *Filaret, arkhiepiskop chernigovskii*. Chernigov, Tipografiia Gubersnogo pravleniia, 1894, 429 p. (In Russian)
- Majorova Ol'ga. Die Schlüsselrolle der 'deutschen Frage' in der russischen patriotischen Presse der 1860er Jahre. *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht*. Ed. by Dagmar Herrmann. In 4 vols. Munich, W. Fink Publ., 1988–2006, vol. 4, pp. 81–101. (In German)
- Martin Terry. The German Question in Russia, 1848–1896. *Russian History*, 1991, vol. 18, no. 4, pp. 373–434.
- Muskat Helmut. *Bismarck und die Balten: Ein geschichtlicher Beitrag zu den deutsch-baltischen Beziehungen*. Berlin, Verlag Dr. Emil Ebering, 1934, 152 p. (In German)
- Naber Jaak. Volksbildung und Schulen der Esten in Est- und Livland im Zeitalter der Aufklärung. *Aufklärung in den baltischen Provinzen Russlands*. Ed. by Otto-Heinrich Elias. Köln; Wien, Böhlau Verlag, 1996, pp. 73–95. (In German)

- Nazarova E. L. Russkii iazyk kak instrument rusifikatsii: obrusenie Ostzeiskogo kraia v politike vlastei i predstavleniia obshchestvennosti Rossiiskoi imperii: XIX vek. *Istoricheskii put' litovskoi pis'mennosti*. Ed. by Iu. Budraitis. Vilnius, Ed. by Institut russkogo iazyka, 2005, pp. 260–290. (In Russian)
- Nerling Mark. Die Herrnhuterfrage in Livland im 19. Jqahrhundert im Spiegel der livländischen Syndalverhandlungen. *Baltische Kirchengeschichte*. Ed. by R. Wirttram. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1956, pp. 166–177. (In German)
- Obolenskii D. Graf V. A. Bobrinskii. Ego poezdka v Baltiiskii kraj. *Russkii arkhiv*, 1898, no. 12, pp. 583–592. (In Russian)
- Oubril. Bismarck und Gortschakow. *Bismarck-Jahrbuch*, 1894, no. 1, pp. 56–66. (In German)
- Paucker H. R. *Estlands Geistlichkeit in geordneter Zeit- und Reihenfolge*. Reval, Gedruckt bei landlosen Erben, 1849, 424 p. (In German)
- Pistohlkors Gert von. Russifizierung und die Grundlagen der deutschbaltischen Russophobie. *Zeitschrift für Ostforschung*, 1976, vol. 25, pp. 618–631. (In German)
- Pistohlkors Gert von. Ursprung und Entwicklung ethnischer Minderheiten in der baltischen region im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. *Staatliche Einheit und nationale Vielfalt im Baltikum*. Eds Gert von Pistohlkors et al. Munich, Oldenbourg Publ., 2005, pp. 13–34. (In German)
- Pobedonostsev K. P. *Pis'ma Pobedonostseva k Aleksandru III*. In 2 vols. Moscow, Novaia Moskva Publ., 1925, 448 p. (In Russian)
- Pobedonostsev K. P. *Pis'ma Pobedonostseva k Aleksandru III*. In 2 vols. Moscow, Novaia Moskva Publ., 1926, 464 p. (In Russian)
- Pogodin M. P. *Ostzeiskii vopros. Pis'mo M. P. Pogodina k professoru Shirrenu*. Moscow, Tipografiia "Russkogo", 1869, 181 p. (In Russian)
- Pollack D. Historische Analyse statt Ideologiekritik: Eine historisch-kritische Diskussion über die Gültigkeit der Säkularisierungstheorie. *Geschichte und Gesellschaft*, 2011, vol. 37, pp. 482–522. (In Russian)
- Pollack D. Varieties of Secularization Theories and Their Indispensable Core. *The German Review: Literature, Culture, Theory*, 2015, vol. 90, pp. 60–79.
- Polunov A. Iu. Pravoslavie v Ostzeiskom krae i politika pravitel'stva Aleksandra III. *Rossia i reformy*. Sbornik statei. Ed. by M. A. Kolerov. Moscow, Medved' Publ., 1993, pp. 55–65. (In Russian)
- Pravoslavie i liuterantstvo v Rossii*. Leipzig, E. L. Kasprovich Publ., 1890, 16 p. (In Russian)
- Preosviashchennyi Filaret, vposledstvii arkhiepiskop Chernigovskii, v pis'makh k grafine N. N. Sheremetovoi. *Pribavleniia k Tserkovnym Vedomostiam*, 1900, no. 23, June 3, pp. 902–909. (In Russian)
- Raun Toivo. The Development of Estonian Literacy in the 18th and 19th Centuries. *Journal of Baltic Studies*, 1979, vol. 10, pp. 115–126.
- Registrierung der Criminalprocesse gegen die livländischen evangel.-luther. Pastoren 1884–1894. *Baltische Monatsschrift*, 1895, vol. 42, pp. 31–45. (In German)
- Ryan Daniel C. Religious Conversion and the Problem of Commitment in Livland Province, 1850s–1860s. *Ajolooline Ajakiri*, 2007, vol. 121–122, no. 3–4, pp. 369–392.
- Ryan Daniel C. Rumor, Belief, and Contestation amid the Conversion Movement to Orthodoxy in Northern Livonia, 1845–1848. *Folklore*, 2004, vol. 28, pp. 7–24.
- Ryan Daniel C. The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics, and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic Periphery, 1845–1870s. PhD Diss. Los Angeles, UCLA, 2008, 384 p.
- Samarin Iu. F. *Sochineniia*. Vol. 7. Moscow, Tipografiia Mamontova, 1889, 658 p. (In Russian)
- Sbornik materialov i statei po istorii pribaltiiskogo kraia*. Vol. 3. Riga, A. I. Lipinskii Publ., 1880, 641 p. (In Russian)
- Schulze Wessel M. Das 19. Jahrhundert als Zweites Konfessionelles Zeitalter? *Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung*, 2001. Bd. 50, pp. 514–530. (In German)
- Schirren Carl C. G. *Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin*. 3rd ed. Leipzig, Duncker & Humboldt Publ., 1869, 195 p. (In German)
- Schrenck Erich von. *Baltische Kirchengeschichte der Neuzeit*. Riga, Verlag der Akt.-Ges. Ernst Plates, 1933, 220 p. (In German)
- Seesemann Heinrich. Die Theologische Fakultät der Universität Dorpat 1802–1918. *Baltische Kirchengeschichte*. Ed. by R. Wirttram. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1956, pp. 216–219. (In German)
- Spravka po delu o prisoeдинenii k pravoslaviiu krest'ian pribaltiiskikh gubernii. *Chteniia OI DR*, 1865, book 3, pp. 144–172. (In Russian)
- Staël von Holstein R., Baron. Zur Geschichte des Kirchengesetzes vom Jahre 1832. *Baltische Monatsschrift*, 1901, vol. 52, pp. 128–176. (In German)
- Staël von Holstein R. baron. *Fürst Paul Lieven als Landmarschall von Livland*. Riga, Druck von W. F. Häcker Publ., 1906, 229 p. (In German)

- Staliunas Darius. *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*. New York, Rodopi Publ., 2007, 465 p.
- Steinhoff A. J. Ein zweites konfessionelles Zeitalter. *Geschichte und Gesellschaft*, 2004, vol. 30, pp. 549–570. (In German)
- Stephany Maximilian. Konversion und Rekonversion in Livland. *Abhandlungen der Herder-Gesellschaft und des Herder Instituts zu Riga*, 1931, vol. 4, no. 8, pp. 3–56. (In German)
- Kirchenordnungen der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland*. Ed. by R. Stupperich.-Ulm Donau, Unser Weg Verlag, 1959, 253 p. (In German)
- Stupperich R. Aus der Wirksamkeit D. Hermann Daltons in St. Petersburg. *Kirche im Osten*, 1963, vol. 6, pp. 62–72. (In German)
- Stupperich R. Motive und Maßnahmen in der livländischen Bauernbewegung der Jahre 1845–47. *Kyrios*, 1939–1940, vol. 4, pp. 38–56. (In German)
- Talonen Jouko. Herrnhut and the Baltic Countries from 1730 to the Present: Cultural Perspectives. *Estonische Kirchengeschichte im vorigen Jahrtausend*. Ed. by Riho Altnurme. Kiel, Friedrich Wittig Verlag, 2001, pp. 98–108.
- Talonen J., Priit R. The Birth and Development of National Evangelical Lutheran Theology in the Baltics from 1918 to 1940. *Journal of Baltic Studies*, 2014, vol. 45, no. 3, September, pp. 345–373.
- Talurahvaliikumine eestis 1841–1842. Aastal. Dokumentide kogumik*. Eds R. Auling et al. Tallinn, Kirjastus “Eesti Raamat” Publ., 1982, 293 p. (In Estonian)
- Talurahvaliikumine eestis aastail 1845–1848. Dokumentide kogumik*. In 2 vols. Eds A. Traat et al. Tallinn, Ed. by Eesti Vabariigi Arhiiviamet; Eesti Ajalooarhiiv, 1991, 361 p. (In Estonian)
- Thaden E. et al. *Russification in the Baltic Provinces and Finland 1855–1914*. Princeton, Princeton UP, 1981, 497 p. (In German)
- Thimme Heinrich. *Kirche und nationale Frage in Livland während der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts*. Königsberg, Osteuropa-Verlag, 1938, 143 p. (In German)
- Titov F. *Imperator Aleksandr III i Russkaia pravoslavnaia tserkov' v ego vremia. Po povodu knigi pod zaglaviiem: Obzor deiatel'nosti vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniia za vremia tsarstvovaniia Imperatora Aleksandra III [Spb., 1901 g.]*. Kiev, Tipografiia I. I. Gorunova, 1902, 22 p. (In Russian)
- Tuchtenhagen Ralph. *Religion als minderer Status. Die Reform der Gesetzgebung gegenüber religiösen Minderheiten in der verfaßten Gesellschaft des Russischen Reiches 1905–1917*. Frankfurt a. M., Peter Lang Publ., 1995, 331 p. (In German)
- Über den gegenwärtigen öffentlichen Zustand der evangelisch-lutherischen Kirche in Rußland, *Zeitschrift für die gesamte lutherische Theologie und Kirche*, 1840, no. 3, pp. 130–132. (In German)
- Valuev P. A. *Dnevnik*. In 2 vols. Moscow, Akademii nauk SSSR Publ., 1961, 421 + 587 p. (In Russian)
- Vigrab G. I. *Pribaltiiskie nemtsy. Ikh otnoshenie k russkoi gosudarstvennosti i k korennomu naseleniiu kraia v proshlom i nastoiashchem*. Iur'ev, Tipogr. Postmes', 1916, 187 p. (In Russian)
- Vsepoddanejšej otčet po upravleniju baltiiskim kraem s maja 1845 po fevral' 1848 goda, *Čtenija OIDR*, 1871, book 2, smes', pp. 97–137. (In Russian)
- Vysotskii V. I. *Očerki po istorii ob'edineniia Pribaltiki s Rossiei (1710–1910 gg.)*. Iss. 2. Riga, Tipografiia N. A. Nitavskogo, 1910, 34 p. (In Russian)
- Vysotskii V. I. *Očerki po istorii ob'edineniia Pribaltiki s Rossiei (1710–1910 gg.)*. Iss. 3. Riga, Tipografiia N. A. Nitavskogo, 1911, 43 p. (In Russian)
- Weber Karen. *Religion and Law in the Russian Empire: Lutheran Pastors on Trial, 1860–1917*. PhD Diss. New York, New York University, 2013, 398 p.
- Werth Paul. *The Tsar's Foreign Faiths. Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford, Oxford University Press, 2014, 288 p.
- Wittram Heinrich. Kirchliche Sozialarbeit und sozialer Wandel in Riga und Livland in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. *Bevölkerungsverschiebungen und sozialer Wandel in den baltischen Provinzen Russlands 1850–1914*. Ed. by Gert von Pistohlkors, Andrejs Plakans, and Paul Kaegbein. Lüneberg, Institut Nordostdeutsches Kulturwerk Publ., 1995, pp. 239–247. (In German)
- Wittram Heinrich. Friedrich Hollmann (1833–1900): Pastor und Generalsuperintendent in Livland in den ethnischen Spannungen und Konflikten des 19. Jahrhunderts. *Kirchliches Leben und theologie in den baltischen Gebieten vom 16. Bis 20. Jahrhundert*. Ed. by H. Wittram. Lüneburg, Verlag Carl-Schirren-Gesellschaft, 2011, pp. 121–145. (In German)
- Wittram Heinrich. Lutherische Profile in der theologischen Fakultät Dorpat/Tartu 1840–1914 mit Ausblick bis 1940. *Estland, Lettland und westliches Christentum. Estnisch-deutsche Beiträge zur baltischen Kirchengeschichte*. Ed. by Siret Rutiku and Reinhart Staats. Kiel, Friedrich Wittig Verlag, 1998, pp. 169–185. (In German)

- Wittram Reinhard. Die Universität Dorpat im 19. Jahrhundert. *Zeitschrift für Ostforschung*, 1952, vol. 1, pp. 195–219. (In German)
- Wittram Reinhard. *Drei Generationen: Deutschland — Livland — Rußland*. Göttingen, Deuerlichsche Verlagsbuchhandlung, 1949, 360 p. (In German)
- Woltmann Albert. Die evangelisch-lutherische Kirche in Rußland, namentlich in den Ostseeprovinzen, *Vierteljahrschrift für Theologie und Kirche*, 1847, vol. 3, part 2, pp. 221–237. (In German)
- Zelče Vita. Auf dem Wege zu einer lettischen Nation. Deutschbaltische Pastoren in den sozialen und nationalen Prozessen von der ersten Hälfte bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts, *Nordost-Archiv*, 1998, vol. 7, no. 2, pp. 417–442. (In German)
- Zur Semisecularfeier der livländischen Provinzialsynode, *Baltische Monatsschrift*, 1884, vol. 31, pp. 511–522. (In German)

Received: 25.05.2017

Accepted: 20.11.2017